

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

ШУКАН ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СИБИРИ В ПОВЕСТИ «ЦАРЬ-
РЫБА» В. П. АСТАФЬЕВА**

Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы

Теоретическая и практическая филология в образовании

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
д.ф.н., профессор Васильева С.П.

Руководитель магистерской программы
д.ф.н., профессор Васильева С.П.

Научный руководитель
к.ф.н., доцент Кипчатова А. В.

Обучающийся
Шукан О. Е.

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
1.1 Основные единицы лингвокультурологии.....	7
1. 2 Понятие словесного ряда.....	10
1. 3 Лингвокультурология как способ изучения языкового сознания сибиряков.....	11
1. 4. Лингвокультурное содержание понятия «Сибирь».....	21
1. 5 Культурная коннотация понятия «Сибирь».....	31
Выводы по Главе 1.....	36
ГЛАВА 2. СИБИРЬ В ПОВЕСТИ «ЦАРЬ-РЫБА» В. П. АСТАФЬЕВА	
2.1 Сибирская природа в повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева.....	38
2. 2. Лингвокультурема «сибирский характер» в повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева.....	44
Выводы по Главе 2.....	66
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАБОТЕ С ПОВЕСТЬЮ «ЦАРЬ-РЫБА» НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	
3.1 Значимость повести «Царь-рыба» на уроках русского языка.....	70
3. 2. Конспект урока по развитию речи.....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	81
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	87

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации обусловлена как причинами лингвистического, так и собственно культурологического характера. В настоящее время вопрос о самобытности сибиряков является одним из самых обсуждаемых. Он давно вышел за рамки научных дискуссий. К обсуждению темы подключились не только отечественные, но и зарубежные исследователи.

Об актуальности вопроса свидетельствует ежегодное проведение научно-практических конференций, появление монографий, издание электронного журнала «Сибирская заимка». А в 2008 году при поддержке администрации губернатора Красноярского края стал выходить ежегодный альманах «Национальность – сибиряк». Правда, спустя 3 года было принято решение о его переименовании в «Этно-Мир». Но суть, тем не менее, осталась той же: на страницах журнала публикуют материалы об этнокультурном просветительстве, толерантности, патриотизме [24, С. 12].

Мы полагаем, что самобытность сибиряков во многом определяется их языком, потому что в нём отражаются все аспекты их жизни: и география, и история, и культура, и условия жизни людей. Гумбольдт в работе «Лаций и Эллада» пишет: «Всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [20, С. 303].

Неоспорима связь культуры и языка. Также неоспоримо, что художественная литература, как особый вид искусства, является компонентом культуры. Особенность этого компонента в том, что основным средством образного отражения жизни является *слово*. Для всей русской литературы образ и тема Сибири приобрели совершенно оригинальные измерения и характеристики в повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева. Будучи сибиряком по рождению и воспитанию, писатель, по всей видимости, считал

своим долгом обратиться к теме и образу Сибири. Она, так или иначе, присутствует во многих его произведениях.

Предлагаемое исследование написано в рамках относительно новой лингвистической дисциплины – лингвокультурологии, которая возникла на стыке лингвистики и культурологии. Приведем некоторые из существующих определений лингвокультурологии.

Лингвокультурология – наука, которая занимается «исследованием и описанием взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации» [58, С. 15].

Лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общественных ценностей)» [14, С. 37].

Лингвокультурология – это «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявление культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [34, С. 27].

Лингвокультурология – это «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [14, С. 12].

В лингвокультурологии изучаются единицы языка, в содержании которых обнаруживается часть, обусловленная особенностями национальной культуры, этнического сознания и которые «приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре» [59, С. 36]. Данную науку интересуют вопросы, связанные с описанием в языке способов отражения культуры, образа мышления народа – носителя лингвокультуры, его способа видения мира. Таким образом, в качестве определяющих

большинством исследователей выделяются следующие признаки этого направления в лингвистике:

- лингвокультурология представляет собой интегративную дисциплину, возникшую на стыке лингвистики, культурологии, этнографии, психолингвистики;

- лингвокультурология изучает взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры, языка и этноса, языка и национальной ментальности;

- язык в лингвокультурологии рассматривается как средство проявления, отражения и фиксации культуры, как транслятор культурной информации, языковые единицы – как средство выражения языкового и внеязыкового (культурного) содержания;

- взаимодействие языка и культуры, языка и этноса описывается в диапазоне современного культурно-национального самосознания, с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки (систему норм и общечеловеческих ценностей) [44, С. 9-10].

Цель – описание лингвокультурологических понятий, связанных с образом Сибири.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить понятийный аппарат, связанный с терминами лингвокультурологии; рассмотреть особенности отражения этих понятий в научных работах.

2. Рассмотреть и проанализировать особенности отражения лингвокультурем в тексте повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева.

3. Представить методические материалы, связанные с рассмотрением этих понятий на уроке русского языка.

Объект исследования – повесть В.П. Астафьева «Царь-рыба».

Предмет исследования – лингвокультуремы, которые определяют понятие «Сибирь» и особенности сибирского характера в тексте повести «Царь-рыба».

Методы исследования: метод лингвокультурологической интерпретации.

Новизна исследования заключается в лингвокультурологическом подходе к анализу текста повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в школьной практике не только на уроках русского языка и литературы, но и на элективных курсах по культурологии.

Структура. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 71 источник (учебные пособия, диссертационные исследования, монографии, публикации в реферируемых изданиях).

Апробация. Промежуточные результаты работы были представлены и обсуждены на VII Международном образовательном форуме «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» в рамках работы круглого стола «Актуальные проблемы культуры речи», г. Красноярск 2018. Статья «Сибирь: от понятия к слову» представлена к публикации.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

1.1 Основные единицы лингвокультурологии

Предметом исследования лингвокультурологии являются культурно нагруженные единицы языка. В их содержании обнаруживается часть, обусловленная особенностями национальной культуры, этнического сознания. К национально-специфическим компонентам культуры относятся предметы, понятия, связанные с территорией проживания народа (со способами освоения пространства, взаимодействия с природой, а значит, с преобладающим методом хозяйствования); с особенностями коммуникации, взаимоотношений между людьми (коммуникативным поведением, в том числе речевым); с одеждой; с питанием; с жизненными ценностями и нормами; с верованиями; способами познания окружающего мира и др.

Пристальный интерес к лингвокультурологическим единицам, принадлежащим одновременно языку и культуре, имел следствием множество терминов для их обозначения: «константа» (Ю. С. Степанов), лингвокультурема (В. В. Воробьев), национальный социокультурный стереотип (Ю. Е. Прохоров), логоэпистема (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), «ключевые слова культуры» (А. Вежбицкая) и др.

Введенное В. Н. Телией понятие **культурной коннотации** (лат. *connotatio* от *connoto* «имею дополнительное значение»; *con* – «вместе» + *noto* «отмечаю, обозначаю», т.е. со-значения) является базовым для лингвокультурологии. Рассматривая культурную коннотацию как способ воплощения культуры в языковом знаке, В. Н. Телия интерпретирует денотативный, образно мотивированный аспекты значения в категориях культуры. Национально-культурная специфика языковой единицы служит своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака», с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы и другие

знаки национальной культуры, освоенные народом – носителем языка [59, С. 214 -237].

Культурная коннотация возникает как результат интерпретации образного основания фразеологизма или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

Выяснению сущности взаимосвязи языка и культуры способствует изучение **лингвокультураны** – комплексной межуровневой единицы, представляющей единство лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания. Понятие было введено В. В. Воробьевым как аналог фонеме, морфеме – абстрагированным от конкретных реализаций единицам языка, а не речи. Сравнивая лингвокультурану со словом, В. В. Воробьев заключает, что слово принадлежит языку, а лингвокультурана – предметному миру; план содержания лингвокультураны, в отличие от слова, включает, помимо языкового значения, культурный смысл [14, С. 46].

Лингвокультурана вбирает в себя собственно языковое представление и «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны.

В языке лингвокультурана может быть представлена:

- словом: *обломовщина* («безвольная деятельность, лень как общественные явления»); *хлестаковщина* («безудержное хвастовство, вранье, легкомыслие»);
- словосочетанием: *русская печь* – особая печь;
- абзацем, текстом: например, рассказ «Русский характер» А. Н. Толстого.

Источниками лингвокультураны являются: народное поэтическое творчество; памятники истории; лингвистические, философские, литературоведческие, исторические, социологические исследования; высказывания деятелей науки, культуры, искусства, литературы; персоналии как модели национальной личности (например, Петр I, Пушкин, Степан

Разин); высказывания иностранцев о представителях другой нации и культуры [44, С. 38].

Логоэпистема (logos «слово, речь, учение + episteme «знание, понимание») – это «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур. За логоэпистемой стоит некоторый когнитивный смысл, некоторое знание, некоторая информация» [28, С. 91]. Она «характеризуется наполненностью некоторым знанием культурного характера» [28, С. 39]. Например, *Куликовская битва; Илья Муромец; А Васька слушает да ест* и др.

Выделяются следующие признаки логоэпистемы:

- «имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, и в предложении, и в сверхфразовом единстве;
- характеризуется отнесенностью к конкретному языку;
- является указанием на породивший ее текст или ситуацию;
- в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется;
- в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости; в этом случае она приобретает текстообразующую силу» [27, С. 39].

Так как логоэпистема порождается текстом или ситуацией, то в ней закреплен «след отражения действительности в сознании носителей языка». Поэтому ее называют «носителем культурной памяти», «голосом прошлого, звучащим сегодня». Логоэпистемы являются символами некоторого стоящего за ними содержания, сигналами, которые заставляют вспомнить определенное фоновое знание. Эта особенность позволила определить логоэпистему как сигнал интертекстуальности.

1.2 Понятие словесного ряда

Мы полагаем, что рассмотрение основных единиц лингвокультурологии (культурной коннотации, лингвокультуремы, логоэпистемы) возможно в пределах словесного ряда.

В. В. Виноградовым постоянно подчеркивалась идея композиционной целостности и композиционного единства. В связи с этим он выдвинул понимание композиции художественного текста «как системы динамического развертывания *словесных рядов* в сложном единстве целого» [13, С. 49].

Понятие словесного ряда появляется уже в ранних работах Виноградова: «О поэзии Анны Ахматовой» (1923), «О теории литературных стилей» (1925), «К построению теории поэтического языка» (1926), «О художественной прозе» (1929). При этом важно отметить, что словесные ряды понимаются им не только как собственно словарные, лексические ряды, но и как ряды всех других языковых единиц и единств, то есть ряды, которые могут вместиться в слова и составиться из слов. Однако Виноградов не предложил дефиниции словесного ряда.

Горшков А. И. выделяет следующие свойства словесного ряда:

1) Он является категорией текста, поскольку вне текста его быть не может.

2) Словесный ряд – это последовательность языковых единиц разных ярусов. Из этого следует, что ряд может характеризоваться не только лексическими, но и фонетическими, морфологическими, словообразовательными, синтаксическими признаками или определенными приемами построения текста (тропы, фигуры).

3) Для словесного ряда не является обязательной непрерывная последовательность образующих его языковых единиц.

4) Образующие словесный ряд языковые единицы объединяются какими-либо общими признаками (например, связанностью с предметно-

логической или эмоционально-экспрессивной стороной текста). Главными признаками, по мнению Горшкова, являются соотнесенность с определенной сферой языкового употребления и с определенным приемом построения текста [17, С. 155-158].

Важно отметить, что, будучи категорией текста, словесный ряд отличается от таких явлений, как синонимический ряд, семантическая или тематическая группа. Последние представляют собой категории языкового строя, описываются и фиксируются в лексикологии и лексикографии. Синонимические ряды можно найти в словарях синонимов и частично в толковых словарях.

Таким образом, «словесный ряд – представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединенных а) композиционной ролью и б) соотнесенностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста» [17, С. 160].

1.3 Лингвокультурология как способ изучения языкового сознания сибиряков

Поскольку лингвокультурология представляет собой интегративную область научного знания, на наш взгляд, одним из важных аспектов при анализе объектов культурологии, и в первую очередь художественного текста, составляет аспект отражения языкового сознания автора, героев художественного текста.

Языковое сознание представляет собой опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных, и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира», «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [2, с.91], языковое сознание – это форма существования сознания человека разумного, человека общающегося, человека как социального существа, как личности.

Одной из сфер бытия человека является самосознание, которое позволяет личности отграничить себя от окружающих как носителя определенной жизненной позиции. Самосознание предполагает проявление отношения к себе и оценку собственных возможностей. В учебной литературе отмечается, что самосознание является динамичным образованием, исторически развивающимся, проявляющим себя «на разных уровнях и в разных формах» [64, С. 546].

В работе Ю.В. Семенова отмечается, что на самосознание личности, помимо прочего, оказывает влияние духовная культура той социальной группы, с которой идентифицирует себя человек. К ней относятся «мифология, традиционные верования, мировые религии», в значительной степени формирующие психический склад личности [47, С. 75]. Поскольку духовная культура – это такое же живое явление, как и все, что создано человеком, то становится закономерным ее непрерывное изменение. Поэтому с течением времени какие-то культурные пласты как бы уходят в «архаичный подтекст, частично разрушаясь, но не исчезая полностью» [47, С. 76]. Следовательно, оценка жизненных феноменов будет осуществляться как на уровне сознания, так и на уровне бессознательного.

Описанные факторы необходимо учитывать при анализе самосознания сибиряков. Как следует из содержания исследования П.С. Игнаткина, в русских летописях для коренных сибирских народов изначально использовались слова «иноверцы», «языцы» (языки), «люди» (например, по территориальной принадлежности: «колмацкие люди», «чатцкие люди», «братцкие люди»). Последнее из названных, судя по всему, было самым распространенным. Так, для обозначения социального статуса употребляли словосочетание «лучшие люди» и «служилые люди»; для описания уклада – «пешие и оленные люди», «сидячие люди»; для характеристики налогообложения – «ясачные люди» [26, С. 153].

Примечательно, что для указания территориальной общности уже в XVI веке употребляли словосочетание «сибирские люди», что можно

наблюдать в тексте Никоновской летописи на примере статей 1555 и 1564, где упомянуты люди сибирского князя Едигера. Об этом же идет речь и в царской жалованной грамоте 1564 года, выданной русскому дипломату, послу в Швеции, Испании и Османской империи Н.А. Строганову. В ней говорится об опасности, которую представляют сибирские люди. А в грамоте 1570 года используется слово «сибирцы». Стоит обратить внимание на то, что подобным образом местное население себя не называло.

И даже во второй половине XIX века слово «сибиряк» еще не было в ходу. Об этом свидетельствуют материалы этнографических экспедиций. Один из наблюдателей заметил: если сказать местному человеку, что он сибиряк, тот «выслушает такое себе название» и глубоко задумается, после чего сделает вывод: «хорошо, что сибиряк, а не ссыльный» [42, С. 113]. Исследователь М.Л. Бережнова считает, что в первой половине XIX века слово «сибиряк» было книжным и являлось частью лексикона образованного сословия. Его использование характерно для языка делопроизводства либо публицистики.

К концу столетия местное население, коренная его часть, стало гордо называть себя чалдонами, что «стало символом давности пребывания на родной земле и, соответственно, прав на эту землю, на которой трудились поколения предков» [10, С. 22]. В письменных источниках, например, в словаре В.И. Даля, слово отнесено к диалектным, поэтому в официальных бумагах вместо него использовалось «старожилы», а ближе к XX веку заменено на национальность.

Необходимо заметить, поясняет М.Л. Бережнова, что изначально слово считалось ругательными. Об этом же пишет исследователь Л.Л. Крючкова: благодаря русскому натуралисту и исследователю Сибири Р.К. Мааку слово «чалдон» было зафиксировано в письменных источниках 1855 года во время путешествия по Амуру. В объяснении местного населения оно означало «беглый, варнак, каторжник» [29, С. 100].

Российский зоолог, геолог и этнолог Л.И. Шренк слышал его от нанайцев. Антрополог, археолог, писатель В.И. Анучин зафиксировал негативную коннотацию: выходцы из России, переселившиеся в Сибирь, называли словом «чалдон» местных крестьян. Передразнивая произношение «в нос» [чалдоŋ], они старались по сильнее задеть местных, для которых оно считалось орфоэпической нормой. Кроме слова «чалдон», коренных жителей именовали «немшеный» [29, С. 101] либо «кержак».

По данным этнографа Г.М. Осокина, прозвище «чалдон» также распространялось и на забайкальских раскольников, переселенных семьями в Сибирь. Позже понятие стали применять и к наименованию пришлых, навсегда осевших в Сибири: «Стариков, которые давно приехали зовем закоренелыми чалдонами, чистый чалдон, чалдонец» [11, С. 133]. Если говорить о народной интерпретации слова, то оно примерно означает: сосланные с Дона люди приплыли на челнах [22, С. 86].

В словаре В.И. Даля указывается на заимствование с монгольского; перевод «бродяга, ссыльный». Автор книги о сибирских казаках Ю.М. Широков пишет, что в монгольском языке есть слово «шолдон», обозначающее «презираемый, негодный человек» [69, С. 46]. При таком истолковании понятна негативная коннотация.

М.Л. Бережнова, занимающаяся изучением традиционной культуры и этнической истории русских сибиряков, высказала мнение о том, что слово могло быть образовано от «челядь». В областных словарях ею найдено существительное «челеда» как обозначение единственного числа от собирательного «челядь». Вполне возможно, предполагает М.Л. Бережнова, «одно из них могло звучать как челедон, откуда при выпадении редуцированного [e] – челдон» [10, С. 21]. В древней Руси VI – IX века челядью называли рабов-пленников, с XI века – зависимое население; в XVIII – XIX веках оно служило для наименования дворовых людей помещика. Но если вести речь о Сибири, уточняет М.Л. Бережнова, то уже в XVII веке смысл слова стал связываться с пониманием особой социальной

группы населения, которой, собственно, и было коренное население – чалдоны.

Еще одна версия связана с названием рек Чалка и Дон, в бассейне которых жили будущие переселенцы в Сибирь. К народной этимологии также относится попытка объяснить значение слова с помощью языка коми, в котором «чаль» – это палец, а «дон» – это цена. В итоге получается «цена пальца», что соотносится со смыслом русской поговорки «мизинца не стоит». Вероятно, чалдоны таким образом изъяснялись во время торговых сделок. Итак, обобщая сказанное о чалдонах, сделаем промежуточный вывод о том, что первоначально слово имело ругательный оттенок, но со временем содержание претерпело изменение и его стали использовать старожилы для разграничения с пришлыми людьми.

Обратим внимание на то, что понятие «старожил» в местной среде не употреблялось. По предположению исследователя А.В. Ремнева, оно могло быть привнесено «в народную среду «сверху» (чиновниками и публицистами), а затем уже прижилось и стало самоназванием» [42, С. 112]. Отделение себя от приезжих, внешне ассимилировавшихся с местными, не было у сибиряков самоцелью. Это следствие замкнутого образа жизни, оторванности от России, чего «сибирское население не могло не чувствовать» [42, 113].

Об этом же размышляет исследователь В.П. Шахеров, который пишет: оторванность от центральной России привела к тому, что сибиряки гораздо охотнее завязывали отношения с народами Азии и Востока. Местное население не только заключало торговые сделки с соседями, но и образовывало смешанные браки с инородцами, «которых особенно много было в начальный период освоения Сибири» [68, С. 181]. Царское же правительство, подчеркивает В.П. Шахеров, относилось к сибирякам настороженно из-за независимого характера коренного населения, прагматичного склада ума, грубости, своеобразия культурных традиций. В немалой мере этому способствовали государственные чиновники,

представлявшие отчеты о контактах с чалдонами. Например, действительный тайный советник А.Н. Куломзин в одном из рапортов пояснял: сибиряк живет достаточно замкнуто и не считает себя российским человеком [68, С. 181]. И в этом немалая роль старообрядцев, вносивших «весомый вклад в укрепление идеи отъединения Сибири от российского государства» [45, С. 189]. О них в «Вестнике Европы», изданном в 1882 году, писал русский публицист, историк и этнограф И.Г. Прыжов. Раскольники не ассоциировали себя с сибиряками, «считая последних людьми без корней и ленивыми, хуже которых были только казаки» [45, С. 189]. Из сказанного следует, что, рассредоточенные на огромной территории, люди не были скреплены ничем – ни верой, ни культурой, ни обычаями.

И здесь нет ничего удивительного, так как местное население не было связано национальной идентичностью – в Сибири проживало порядка 120 народов [48, С. 15]. Закономерно, что люди в условиях компактной локализации, обусловленной пригодностью территорий для приемлемого проживания, объединялись именно по этническим признакам. Значит, отдельную общность больше интересовали внутренние вопросы, нежели размышления о России, представления о которой у значительной части населения не выходили за рамки чужих рассказов.

Подобной мысли придерживаются соавторы коллективной монографии «Сибирский характер как ценность», изданной под редакцией М.И. Шиловой. В тексте исследования подчеркивается: переселенцы Сибири были разных национальностей – белорусы, русские, украинцы, немцы, литвины, выходцы из стран Европы: «Словом, сибирское население никогда не представляло единого целого ни по своему происхождению, ни по этническому составу» [48, С. 15].

Вместе с тем ведение хозяйственной деятельности в условиях сурового климата постепенно стерло этнические перегородки и сформировало особый сибирский характер, отличительные черты которого – коллективизм, терпеливость, трудолюбие, любовь к природе, миролюбие. Как

подчеркивается в тексте, это составляющие духовного облика сибиряка. Ведущим фактором в его формировании является географическое положение территории, с перепадами температур, преимущественными холодами.

Практически экстремальные условия существования «стимулировали у людей, обитавших в Сибири, формирование высокой физической и психической активности. Свою «краску» в эту палитру вносили и культуры разных народов» [48, С. 91]. Вот откуда берется знаменитая сибирская стойкость, сила духа, способность выдерживать климатические перепады, холода, длящиеся большую часть года: и сибиряк «эти трудности переносит достойно, умея быстро и адекватно реагировать на непредвиденные обстоятельства» [48, С. 91].

Суровый климат не только способствовал формированию сибирского характера, но и регионально-исторического самосознания. Об этом говорится в диссертации В.И. Плюхина. Структуру регионально-исторического самосознания составили следующие компоненты: 1) осознание адаптации переселенцев к этнической среде коренного населения Сибири; 2) осознание территориальной общности; 3) осознание социального состава территории; 4) осознание представлений об особом сибирском характере [38, С. 9].

Подробные наблюдения о самосознании сибиряков прошлого века приведены в исследовании Т.А. Демешевой. На материалах анализа диалектной речи старожилов Ханты-Мансийского автономного округа, полученных в 1946 году сотрудниками Томского государственного института в ходе диалектологической экспедиции, были сделаны выводы о ментальности жителей Сибири. Так, в говорах зафиксированы знаки славянского мира, на что указывает использование наречий «по-славянски», «по-русски».

Менталитет старожилов сохранил представления о своей непохожести не только на тюркские народы, но и на людей европейской части России. На это указывает содержание присказок: «Раньше жили коренные сибиряки, а потом приехали пермяки» [21, С. 97]. Местное население разграничивает и

климатические зоны Сибири, подчеркивая, что тундра – это Север, в то время как Средняя Сибирь – территория исконных сибиряков.

Старожилы отделяли своих от чужих, наблюдая за ведением хозяйства. Например, сибиряки делали некоторые хозяйственные приспособления из мешков, а пришлое население – из лубка либо соломы. То же самое относительно одежды: чалдонки не носили сарафанов, а у русских эта одежда считалась основной. Отличия, проявляющиеся на лингвистическом уровне: у сибиряков складское строение называется амбаром, у русских – сусеком. Таким образом, делаем выводы Т.А. Демешева, самосознание сибиряков проявляется в сопоставлении старожилов с русским населением «путем рефлексии по поводу своей непохожести» [21, С. 99].

Нормы нравственного поведения коренного населения, определяемые самосознанием, описаны в статье «Русские сибиряки», изданной в сборнике «Народы Томской области». Эти нормы, говорится в тексте, можно наблюдать не только в правилах, которые ежедневно соблюдает человек, но и в манере одеваться. Переселенцы, прибывшие в Сибирь во второй половине XIX века, разительно отличались от местных: их одежда была яркая, красочная, расшитая узорами, обильно украшенная.

Коренное же население предпочитало строгие формы, без отделки и украшений; исключение составляли узорные пояса. Придерживаясь поверий, связанных с одеждой, сибиряки могли себе позволить выделить только три элемента – глухой ворот рубахи, женский головной убор и пояс. Такое ограничение связано с представлениями о жизненно важных частях тела. Так, «женский головной убор, полностью скрывающий волосы замужней, женщины, должен был обеспечить успешное продолжение рода, плодородие женщины» [43, С. 37].

Согласно поверьям, пояс считался не только оберегом, но и мерилom нравственного поведения. Не случайно в языке есть глагол «распоясаться»: так говорят о человеке, чье поведение выходит за границы дозволенного. Глухой ворот также свидетельствовал о собранности, сдержанности,

сокрытии негативных черт характера, которые могли бы препятствовать взаимодействию с членами рода либо общины.

Интересные наблюдения относительно языкового самосознания современных сибиряков приводит исследователь О.В. Фельде. На основе анкетного опроса более чем 500 студентов вузов ею был сделан вывод о том, что к числу типичных качеств, характерных для жителей Сибири, респонденты отнесли физические: отменное здоровье, выносливость, упорство, крепость духа. В языковом сознании студентов образ настоящего сибиряка ассоциируется с человеком здоровым, крупным, высоким.

Его нравственные качества – решительность, гордость, способность добиваться цели, готовность встать на защиту Родины. Такой же, в представлении опрошенных, должна быть и истинная сибирячка: крупной, крепкой, закаленной, статной, хозяйственной. Примечательно то, что худоба, низкий рост, утонченность и изящество не ассоциируется с образом женщины, способной выжить в климатических условиях Сибири.

Как для сибиряков, так и для сибирячек, по мнению большинства опрошенных, не типична любовь к комфорту. Настоящими занятиями для сильной половины студенты считают охоту и рыбалку. В занятиях умственным трудом сибирякам респонденты отказали: «Во многих анкетах есть указание на то, что типичный сибирский мужчина вообще не очень образован и интеллигентен. Ум сибиряку заменяют житейская смекалка и сообразительность» [63, С. 60].

Среди важных качеств сибиряков названо трудолюбие, а любовь к праздности и веселью, тягу к спиртному опрошенные приписали пришлому населению, «сибиряку не свойственные вовсе» [63, С. 63]. Об этом же пишет автор учебного пособия по сибирскому краеведению Б.Е. Андюсев, который считает, что «коренной сибиряк никогда не надеется на русское «авось»; он много работает, не рассчитывая на постороннюю помощь. Всякое дело, комментирует автор учебного пособия, сибиряк выполняет аккуратно, доброту, проявляя настойчивость и смекалку. В отношении с окружающими

держится диковато, угрюмо и даже несколько грубо» [5, С. 21]. По всей вероятности, такая черта сформировалась под воздействием царской политики, когда Сибирь расценивалась как сырьевая колония, у населения которой нужно было изъять как можно больше. Поэтому местное население, по свидетельству этнографов, привыкло вести двойную бухгалтерию, показывая начальникам лишь половину имущества.

Поскольку в условиях жестокого сибирского климата мечтательность и оторванность от действительности равносильна гибели, то местное население не могло стать другим: «Рациональное сознание сибиряка формировало установки выдержки, спокойствия; в старожильческом обществе приветствовался серьезный человек, строгий, со спокойной речью. Осуждалась эмоциональная невыдержанность и быстрая речь» [4, С. 66].

Кроме того, пишет Б.Е. Андюсев, у коренного сибиряка сильна ментальная связь с предками, традиции и заветы которых передавались из поколения в поколение. До сих пор крестьяне считают: чем древнее обряд, тем он подлиннее. Старожилы менее религиозны, чем переселенцы. Нужно признать, поясняется в тексте, что сибирское мировоззрение основано на двоеверии: в сознании местного человека легко уживаются языческие и христианские традиции, например: «Читалась молитва, и тут же следовал обряд предков» [4, С. 78].

Одной из отличительных черт национального характера является понимание времени. Время относится к универсальным категориям культуры, однако имеет этнокультурную специфику. В статье С. П. Васильевой и А. Д. Васильева «Модель времени в языковом сознании сибиряков» представлен анализ ассоциативного поля ВРЕМЯ путем выделения в его составе семантических зон (космическое время, метафизическое время, бытовое время, аксиологичность времени). Этот анализ позволяет выявить отличительные особенности самосознания сибиряков. «Космическое (циклическое) время для сибиряка связано с ключевыми для него единицами измерения: *час, минута, год*. Эти данные

свидетельствуют о сосредоточенности повседневных планов человека, рассчитанных с точностью до минут. Долгосрочные планы сибиряк определяет рамками года» [12, С. 178]. Метафизическое время сибиряки определяют для себя словом *период*, которое подчеркивает сменяемость временных отрезков. Бытовое время определено сибиряками как жизнь во всем многообразии действий (наиболее многочисленны действия, не ограниченные пределом). В рамках аксиологичности времени важно обратить внимания на два момента. Во-первых, время осознается сибиряками как материальная ценность (его можно тратить, терять, отнять). Во-вторых, сибиряки отмечают «отклонения от нормы, подлежащие осуждению: бедность, беспечность, лень, удовольствие, эгоизм, ложь, воровать» [12, С. 180].

Итак, подводя итоги сказанному, сделаем вывод о том, что на формирование самосознания сибиряков оказали влияние несколько факторов. Первый – исторический, связанный с переселением народов за Урал и освоением территории, мало пригодной для спокойной жизни. Второй – психологический; он связан с формированием практичного стиля поведения, обусловленного потребностью выживания в суровых климатических условиях. Третий – социальный, связанный с проживанием на территории с многонациональным составом.

1.4 Лингвокультурное содержание понятия «Сибирь»

В науке накоплен достаточный объем материалов, содержание которых позволяет получить представления об изысканиях ученых относительно значения и культурного содержания, связанного с понятием «*Сибирь*».

Для подтверждения высказанного мнения обратимся к текстам монографий, диссертаций, публикаций в реферируемых изданиях. Как пишет Э.М. Мурзаев, количество версий о названии и содержании понятия «*Сибирь*» исчисляется десятками: одни являются противоречивыми, другие

достаточно неожиданными и трудно проверяемыми, третьи подтверждаются выводами авторов, проводивших исследования независимо друг от друга. Но несмотря на данные обстоятельства, пишет историк, необходимо рассматривать все версии, ибо со временем меняется представление о территориальной локализации региона. Изначально только северная приуральская часть именовалась Сибирью. Несколько позже – Западно-Сибирская равнина. Затем территория приросла поселениями к востоку от Урала и безлюдными просторами до Тихого океана. В настоящее время Дальний Восток отнесен к отдельной географической зоне: для современника «обычной стала формула: Сибирь и дальний Восток» [36, С. 88].

Первое упоминание о Сибири, считает Э.М. Мурзаев, следует отнести к XIII веку, на что указывает текст «Сокровенное сказание». Это исторический монгольский источник, в котором сообщается о некоем народе, покоренном войсками Чингисхана. Зона расселения «к северу от Алтая и к западу от Ангары» [36, С. 89].

Следующее упоминание относится к XIV веку: Авраам и Иегуда Крескесы нанесли изображение территории на карту мира, которая более известна как «Каталонский атлас». В Древней Руси X – XIII веков уже имели некоторые представления о Зауральской земле, впоследствии названной Сибирью. Об этом пишет в своей диссертации Е.А. Федорова. По всей видимости, делает предположение автор, древние славяне слышали о землях от волжско-крымских булгар. Общеизвестно, что в 965 году великий киевский князь Святослав Игоревич одержал победу над противником: достигнув по Волге столицы Хазарского каганата, он разбил хазар.

Вполне понятно, что ни о какой Сибири древние славяне не слышали, но, как делает предположение Е.А. Федорова, для русского человека земли за Уралом воспринимались «как некое обозначение потустороннего, загадочного, ирреального пространства, где формируется духовная сила Земли-Геи. В связи с удаленностью и отсутствием знаний это место максимально мифологизировано» [62, С. 14].

И если изустные предания были наполнены абстрактным содержанием, то письменные тексты несли конкретику и давали определенные ориентиры. У русских первые упоминания о Сибири встречаются в Софийской летописи, датированной началом XV века. В ней сообщается о том, что зимой хан Шадибек убил хана Золотой и Белой Орды Тохтамыша. Сходную информацию можно найти и в более поздних источниках. Что до названия *Сибирь*, то в летописях с помощью этого слова обозначалась «территория в нижнем течении Тобола и среднем течении Иртыша» [71, С. 79]. В XV веке Иван Грозный, адресуя послание королеве Елизавете, называет себя государем Псковским, великим князем Смоленским и Тверским, земель Рязанской, Черниговской, Полоцкой и всей Сибирской земли. В летописях XVII века появляется упоминание города Сибирь.

В «Погодинском летописце», созданном во второй трети XVII века свидетелем и, возможно, участником похода Ермака в Сибирь, сказано о том, что после победы над казанским царем Упаком был дан приказ воздвигнуть столичный город. Его название *Сибирь* распространилось на всю завоеванную территорию. Прежнее же название, говорится в тексте летописи, неизвестно, поскольку не сохранилось в памяти местного населения, а письменных источников отыскать не удалось [3, С. 150].

Один из первых историков Сибири Г.Ф. Миллер выдвигал предположение о том, что название территории могли дать зыряне (финно-угорский народ) либо пермяки (также народ финно-угорской группы). К такому выводу он пришел на основе анализа информации о занятиях коренного населения. И зыряне, и пермяки, комментирует Г.Ф. Миллер, заключали с местным населением торговые сделки. И это было задолго до завоевания Сибири. От пермяков и зырян, заключает историограф, слово *Сибирь* могло стать известным русским.

В 1840 году свою версию изложил словацкий и чешский славист П.Й. Шафарик. Одна из них – название дали гуннские племена; вторая версия – название произошло от славянского «север» [55, С. 14]. В 1841 году

любитель сибирской старины Н.А. Абрамов высказал свое предположение на этот счет: название может происходить от слова *сибиршан*, которое означает «вычищенный». Завладев новой землей, воин-победитель заводит в ней новые порядки. Говоря образно, выметал старое [3, С. 151].

Российский историк и педагог И.В. Щеглов был уверен в том, что распространению слова мы обязаны монгольскому языку: ведущие кочевой образ жизни, они ушли из жарких и безводных степей и достигли болотистой местности, которую они называли *сибирью*. Этнограф С.К. Патканов связывал название с этническим именем, которое со временем переросло в географическое. По мнению советского историка З.Я. Бояршиновой, название возникло благодаря этнической группе угров, которые сами себя называли *сипыр*.

Современный исследователь А.К. Салмин, ссылаясь на выводы, сделанные американским историком-востоковедом О.И. Прицаком, пишет о том, что наиболее целесообразно искать истоки названия *Сибирь* в местных говорах. Например, в чувашском языке сохранилось слово *сяньби* как самоназвание далеких предков: в III веке н. э. они кочевали в бассейне Оби и Иртыша, а впоследствии «дали территории название *Сибирь*» [46, С. 220]. Старожилы Тобольской губернии знали о существовании поля, которое местное население именовало «кладбищем народа *себер*».

Березовские ханты, пишет А.К. Салмин, сохранили в легендах информацию о народе *сабер* (варианты – *санер*, *сонер*). По названию народа соответственно называлась и земля. Существует предположение о том, что эти люди могли расселиться по западным склонам Урала. В Пермской области есть село Сабарка, расположенное в 30 км от Кунгура: существующее со второй половины XVII века, оно изначально называлось Сибирка, позднее переименовано в Сабарка (чувашское имя).

В Ханты-Мансийском автономном округе есть город Березов, недалеко от которого раньше жил род *сепыр*. Примечательно то, что на языке ханты рыба, которая водится в этом районе, называется *себарской*. На территории

округа проживают и остяки: в их языке тоже сохранилось слова *себер*. Возле современного Сургута когда-то жила хантыйская общность, которая называлась *saber-mat*, что в переводе означает «народ саберов». В языке манси сохранилось такое понятие, как *saber-mi*, оно переводится как «страна саберов» [46, С. 224].

Исследователь В.А. Бархеев высказывает мнение, согласно которому древний кочевой народ динлины – а о них впервые упоминается в средневековых китайских летописях – употреблял слово *сабир*, что в переводе означает «холод». В зависимости от контекста это же слово могло обозначать «превосходный», «чистый». В.А. Бархеев выдвигает предположение, что превосходный значит «храбрый». Слово *сабир* сохранилось и в языке сарматов, которым могли передать его динлины [8, С. 134].

С точки зрения В.А. Бархеева, в русский язык слово *Сибирь* попало через татарский: «От татар они могли узнать значение слова *сибир* (холодный) и, чувствуя близость этого слова к своему *север*, они могли перенести название *Сибир*, принявшего у них форму *Сибирь*, на весь этот обширный край» [8, С. 134]. Сходной версии придерживается исследователь М.А. Ююкин. Его версия строится на том, что на данной территории проживало значительное количество людей, отнесенных к тюркской языковой группе.

В древнетюркском языке есть глагол *sürpür*, означающий «подметать», которое восходит к общетюркскому *сунур*, означающему «изгонять», «уничтожать», «чистить», «мести». В настоящее время такие слова сохранились в языках кыпчакской группы: «известно, что Средний Иртыш и Тобол были заселены кыпчакскими племенами и что тобольские и барабинские татары по языку принадлежат к кыпчакской группе тюркских языков» [71, С. 83]. Следовательно, при их посредстве в русский язык проникло слово *Сибирь*.

В тюркских письменных памятниках фонетически основа может варьироваться: *супур*, *сипыр*, *сипер* и проч., что объясняет многообразие написания и произношения слова *Сибирь*. Не отказывается М.А. Ююкин и от версии, согласно которой название территории дал город *Сибирь* – изначально имя собственное, известное с глубокой древности. Так, например, его носителем был хан Кюлюг-Сибир, правивший Западно-тюркским каганатом примерно в 630 году. Как имя собственное оно осталось у некоторых народов Кавказа. В частности, у чеченцев известны мужские имена Сибир и Сибирбек; у даргинцев Сибирь-Махмуд и Сибирхан; у турок Себур. Позднее от имен образовались фамилии Субуров, Супуров, Субиров, Субаров, Сибаров, Сиберов, Сивиров, Шубуров, Шибуров, Шапыров [71, С. 84].

На возможность заимствования слова Сибирь из языков тюркской группы также указывает исследователь Т.Н. Куренкова. Проанализировав летописные источники, где впервые упоминается эта территория, автор работы сделала вывод о том, что в XII – XIII веках здесь проживала несколько народов алтайской языковой семьи – монголы, тюрки, тунгусо-манчжурцы. Русские же контактировали только с тюрками – джунгарцами, татаро-монголами, киргизами.

Из этого И.Н. Куренкова делает вывод о том, что «происхождение слова *Сибирь* нужно искать в тюркских языках до того, как тюрки разделились на северную и южную ветви» [31, С. 89]. Так, современную южную языковую ветвь представляют шорцы. Они проживают в юго-восточной части Западной Сибири. В языке народа сохранилось несколько слов с интересующим нас корнем. В частности, *сыбыр*: будучи многозначным, оно означает «устремляться», «прогонять», «нашептывать», «очищать».

Получается, говорит И.Н. Куренкова, что и в шорском, и в татарском языках одно и то же значение – очищать, в том числе и духовное. В шорском есть еще одно слово с таким же корнем – *сыбырагчи*, которое означает

«чародей», «колдун». Так называли белых шаманов, считая их очистителями душ. Следующая версия происхождения названия связана с растительным миром. В самом конце весны в Сибири появляется чабрец луговой. Другое название – тимьян или *самбер*: «Цветущий в Сибири самбер одна из самых распространенных полевых трав» [31, С. 90].

Своими наблюдениями о значении анализируемого слова делится исследователь А.Л. Кузнецов, предложивший несколько версий. Первая, по его мнению, наиболее «сырая»: название могло произойти от слияния двух английских слов: «sea» (море) и «bear» (медведь), что в переводе означает «морской медведь». Здесь имеется в виду полярный медведь, ареал распространения которого достигает Северного Ледовитого океана. На несостоятельность представленной версии, считает А.Л. Кузнецов [30], указывает тот факт, что англичане узнали об этой территории позже русских, а значит, топоним *Сибирь* не мог образоваться по описанной схеме.

Вторая версия – заимствование из монгольского языка, в котором есть слово *сибери*, что означает «страна лесов», а также слово *шибир*, означающее «сырая равнина, поросшая березняком» либо «болото». Подтверждением версии можно считать названия двух территорий в Забайкалье – *Харашибирь* (черное болото) и *Улан-шибирь* (красное болото). Третья версия – название территории было дано татарским ханом Мухаммедом, повелевшим построить на берегу Иртыша город *Сибирь*.

Эту версию, поясняет А.Л. Кузнецов, тоже нельзя назвать состоятельной не только потому, что этимология слова остается невыясненной, а потому, что временем основания города считается XVI век, в то время как в русских летописях Сибирь упоминается с XV века. На справедливость утверждения указывают данные узбекского историка и писателя XVII века Абульгази, вскользь упомянувшего две области *Абир* и *Сабир*, локализованные в центральной части Западной Сибири: обе были покорены завоевателями-монголами задолго до XV века.

Еще раньше, по информации А.Л. Кузнецова, слово *Сабир* встречается в записях, сделанных персидским ученым-энциклопедистом Рашидом-ад-Дином: он отмечал, что *Шибэр* была частью улуса Золотая Орда [30]. Что касается личной позиции исследователя, то он считает: слова *Абир* и *Сабир* являются искаженными от татарского «абил-сабил», где означают безлюдье; вольный перевод звучит так: «где-то там».

Вероятно, уточняет А.Л. Кузнецов, те тюркские племена, которые расселились на территории современного юга Сибири, использовали слово «абил-сабил» для обозначения пустынных земель, расположенных на севере. В свою очередь, из тюркского языка слово было заимствовано другими народами: «Именно так и получилось: народы южной Азии стали называть Сибирью северные территории, неведомые для них» [30].

В пользу представленной версии, пишет исследователь, свидетельствует факт распространения названия *Сибирь* на низовья Иртыша и Оби, то есть на север. Именно эта местность, акцентирует внимание А.Л. Кузнецов, была обозначена в Каталонском атласе 1375 года как *Sebur*, откуда, собственно, началась русская колонизация Сибири: «по мере русских завоеваний, оно распространилось дальше на восток вплоть до побережья Тихого океана. Так Сибирью стали называть все русское Зауралье» [30].

В отличие от вышеперечисленных исследователей, И.В. Ташкинов, действительный член Томского отделения Русского географического общества, считает: название *Сибирь* возникло при посредстве сербского языка. В доказательство он приводит следующую цепочку: *svr* – север, *sbr* – серб. И.В. Ташкинов полагает, что именно сербы основали древние города, память о которых сохранилась до настоящего времени. В месте слияния современных рек Бии и Катунь образовался Серпонов; на территории современного Томска был город Грустина. А население обширной территории называлось сервами, серами, серфами.

К слову, сербы расселились не только в Сибири, но и между горами и рекой Волгой, о чем говорил Птолемей; в Причерноморье и на Северном

Кавказе, на что указывал Тацит, в Нижнем Египте, о чем известно от Геродота [40]. На записи, сделанные античными мыслителями, ссылается и автор учебного пособия по истории Сибири В.Н. Гузаров. Он пишет о том, что на территории нынешних Тюменской, Омской, Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей жил народ, называющий себя *сабир*, *сепыр*, *ситир*: «О них упоминается в византийских хрониках как о части гуннских племен» [19, С. 4].

Но это не единственная версия, изложенная в учебном пособии. Как отмечает В.Н. Гузаров, слово Сибирь могло быть связано с татарским *сен-бирь*, означающим «главный», или с татарским же *сибирса*, означающим «очищать». Здесь имеется в виду «чистый», что ассоциируется с белизной, снегами, севером. Третья версия: в монгольском языке есть слово *сэбэр*, которое означает «красивый, прекрасный» [19, С. 5]. Вероятно, это как-то связано с красотой территории.

Версию заимствования слова *Сибирь* из санскрита выдвигает в своем исследовании Е.В. Львов. К такому выводу он пришел на основе анализа русской топонимики и этимологии. Автор работы пишет о том, что в древнем литературном языке Индии сохранилось множество примеров, свидетельствующих о стремлении людей увековечить память о царе золотого века человечества Йиме. В священном писании древних ариев сказано: перед тем как наступит время холодов, необходимо построить убежище (в оригинале слово «вара»; название авестийское). На санскрите оно пишется либо как *uar*, либо как *uara*. И этот корень сейчас можно наблюдать во многих топонимах, например: Извара, Свербейка, Свирь, Свирица, Север, Саврасово, Шаверки, Шуварово и др. Кроме топонимов, корень встречается в таких словах, как севрюга, северга (областное: нетерпеливый, торопыга), севрить (областное: понимать, смекать). На национальной почве звук [в] в корне *uar/ uara* легко трансформировался в [б], отсюда «Замещение звука «в» на «б» могло привести и к возникновению топонима Сибирь» [32, С. 43].

Выводы, сделанные Е.В. Львовым, судя по всему, небезосновательны. По крайней мере, они косвенно подтверждаются исследованиями русского географа, фольклориста, публициста, основателя сибирского областничества Г.Н. Потанина. Он проанализировал предания разных народов и увидел, что, к примеру, в сказках качинцев и кызыльцев (обе относятся к этнографической группе хакасов) встречается упоминание о горе *Субур*. Та же гора, только с названием *Сумбыр* или *Самыр*, упоминается в фольклоре бурят и монголов.

Специалисты по изучению языков и культуры Востока считают перечисленные названия искаженной формой слова *Сумэру*, которое есть в индийских сказаниях. В монгольском языке существует несколько вариантов имени собственного *Сумэр*, *Сумир*, *Сумбур*, не характерного для национального языка. Предположительно, пишет Г.Н. Потанин, оно «занесено из Индии, проникло в сказки и приурочилось к некоторым горам Монголии как географическое имя» [40, С. 155]. В представлениях монголов, гора *Сумэру* является центром вселенной, вершину которой венчает дворец, где проживает бог Хормусды. В ряде сказаний можно найти сведения о том, что вершина горы сближается с Полярной звездой.

Получается: воображение монгольского народа помещает ее на север. Это происходит по причине отождествления центрального мирового положения и северного. А в фольклоре бурят встречается не только одна, но даже две горы – *Сумбур* (если говорить о географическом положении, то это на запад от озера Косогол) и *Баян-цумбур* (расположена к югу от пустыни Гоби).

В бурятском фольклоре о конце света можно найти несколько легенд об отверстии в земле, из которого бьет вода, угрожая затопить сушу. Чтобы спастись, необходимо бросить камень, закрывающий зияющий провал. Именно так поступает сын неба, взбирающийся на гору *Сумбур* и предотвращающий гибель всего живого. В сказаниях у монголов эта же гора сжигается, после чего разрушается мироздание.

Из сказанного Г.Н. Потанин делает следующий вывод: так как древние народы знали о существовании Полярной звезды и горы *Сумбур*, то «эти имена легко могли связаться с представлением о севере или о странах, лежащих на север от Средней Азии» [40, С. 157]. Среди других версий фольклорист называет влияние народов, проживающих к западу от Сибири. Очевидно, это волжские поселения, хотя само слово сюда могли занести кочевники с востока – с дальней Азии.

Достигнув юга России, восточные племена стали распространять известное им понятие на новую страну, находящуюся на севере, откуда текла Волга: «Если они принесли сюда свои старые представления о горе *Сумбур*, то должны были искать ее где-нибудь за верхним течением Волги; знакомясь с верховьями Волги, они добрались до Уральского хребта или услышали о нем; тут они и поместили горы *Sebur*» [40, С. 159].

Итак, обобщая сказанное, можно сделать вывод: обилие различных точек зрения свидетельствует о том, что вопрос дискуссионный и в нем пока рано ставить точку. В гипотезах о названии *Сибирь* прослеживается влияние монгольских, тюркских, славянских языков и санскрита. Наиболее убедительными нам кажутся позиции исследователей, придерживающихся мнения о ведущем языковом влиянии монголов и тюрков.

1. 5. Культурная коннотация понятия «Сибирь»

Загадочная территория от Уральских гор до Тихого океана издавна притягивала внимание своими недостижимыми богатствами, поражала бескрайними просторами. Не так давно слово «Сибирь» ассоциировалось с местом ссылки с вечными морозами. Сегодня же это экономически развитый регион России с большими перспективами.

Мы полагаем, что источником изучения коннотации понятия «Сибирь» прежде всего, служат тексты художественной литературы.

Первым литературным памятником, запечатлевшим этот далекий холодный край, считается сочинение протопопа Аввакума, главы старообрядцев, написанное в пустозерской тюрьме. Текст датирован последней третью XVII века. Письменный труд носит название «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Образ Сибири создается благодаря двум параллельным линиям – конкретному (географическому) и метафорическому (духовному): «Географическое пространство Сибири, с одной стороны, является местом ссылки, с другой, местом апостольского служения» [57, С. 257].

В XVIII веке продолжает осмысление Сибири как особого пространства А.Н. Радищев. В романе «Путешествие из Петербурга в Москву», созданном из разрозненных фрагментов, связь между которыми прослеживается через название городов и деревень как мест транзита путешественника, есть глава «Любани». В тексте прочитывается аллюзия на Сибирь, как географическое пространство, связано с местом ссылки философа.

В одах М.В. Ломоносова Сибирь представлена как богатый необозримый край, одновременно же суровый из-за климатических особенностей. В пьесе Д.И. Фонвизина «Недоросль» Сибирь вырисовывается как богатый, вольный край. У А.С. Грибоедова в комедии «Горе от ума» также можно найти указание на то, что Сибирь – это место ссылки (диалог Репетилова с Чацким; упоминание о Камчатке).

Сибирская тема стала одной из актуальных для мастеров художественного слова XIX века. Так в послании А.С. Пушкина декабристам «В Сибирь» мы видим бытовавшие в тот период представления о крае, как о мрачном, суровом, далеком, предназначенном для ссылки политически неблагонадежных, но и одновременно и как «пространство, пребывание в котором способствует духовному и физическому освобождению ссылкеных» [18].

Сибирское пространство в прозе Н.В. Гоголя также представлено как место ссылки, что можно наблюдать на примере «Повести о том, как поссорились...»: Иван Никифорович просит судью, чтобы тот препроводил Ивана Ивановича в сибирский острог. Сибирь должна была появиться и в поэме «Мертвые души», куда по замыслу автора произведения отправляется Чичиков.

Для Н.А. Некрасова, продолжавшего традицию поэтов-декабристов, Сибирь становится символом народного заступничества: «Это знаменовало собой переход от романтического восприятия земли снегов в недвусмысленно выраженной демократизации содержания образа Сибири» [18]. Например, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» неизбежной платой народного заступника Гриши Добросклонова становится ссылка в суровый северный край.

Упоминание северного далекого края встречается в романах Ф.М. Достоевского: В Сибирь отправляют без вины осужденного Дмитрия Карамазова; на каторгу ссылают Родиона Раскольников, убившего старуху-процентщицу и ее сестру, вслед за ним едет Сонечка; его сестра Дуня с Разумихиным будут строить планы переселения в Сибирь. Именно здесь происходит осознание вины, а значит, и постепенное прозрение героя. Для Раскольникова течение времени здесь будет измеряться христианскими вехами: Рождество, Великий пост, Святая неделя. Автор романа подводит читателя к мысли о том, что преображение, произошедшее в сознании каторжанина, произошло на «земле обетованной», функцию которой выполняет Сибирь.

«Страной воскрешения» она становится и для героев романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Духовное посвящение проходит не только Катюша Маслова, но и Дмитрий Нехлюдов: в этом произведении впервые в русской литературе описан «обратный процесс, когда мужчина-дворянин «отправляется в Сибирь вслед за женщиной-ссыльной» [18].

Художественное описание и осмысление Сибири можно найти и в прозе А.П. Чехова. Судя по текстам статей в «Отечественных записках», «Северном вестнике», «Голосе», «Морском сборнике» и др., писатель стремился к воссозданию образа северо-востока России во всей полноте. Для А.П. Чехова характерно амбивалентное восприятие северного края. С одной стороны, это место каторжан, с другой, территория освоения переселенцами. В ряде произведений прослеживается мотив личного испытания: противоречие «восприятия Сибири как ада и рая обогащается здесь мотивом поиска смысла сибирской жизни» [70, С. 12].

Множество ярких образов сибиряков создано творческой фантазией Д.Н. Мамина-Сибиряка. В осмыслении писателя это громадное вольное пространство, земля сильных людей, чьи судьбы трагичны. В сюжетах прозаика встречаются и добытчики золота, и бедные бабы-крестьянки с дочерьми, и старый маркер.

Сибирскую тему активно разрабатывал и В.Г. Короленко. В его произведениях человек и природа находятся в неразрывной связке, благодаря чему «образ ледящей Сибири постепенно наполняется жизнью» [33, С. 75]. Громадные просторы северного края воспринимаются прозаиком через призму чужого, этнополитического и этно-конфессионального менталитета. Кем бы ни были главные герои писателя, это всегда «люди великой тоски» [33, С. 76], искренне верящие в лучшую долю, в победу света над тьмой.

Свой вклад в развитие литературных представлений о Сибири внесли журналист, критик и драматург Н.А. Полевой, этнограф, краевед и писатель Н.С. Щукин, литератор Н.И. Бобылев. В их произведениях наиболее остро звучит проблема «Сибирь – Россия». Противопоставление окраинных территорий страны и центра поднимает Н.А. Полевой в повести «Сохатый». В ней местный патриотизм приобретает логически заверченный вид, поскольку жизнь Сибири предстает не в абстрактном измерении, а раскрывается через конкретику: одни условия, уродующие человека, порождают зло, в других условиях, когда ссыльные, отправленные в

глухомань, оказываются оторванными от привычной среды, они избавляются от зла.

Обозначенная Н.А. Полевым антитеза становится характерной для художественного мира всей сибирской прозы. Так, Н.С. Щукин, вспоминая «Сохатого» в предисловии к повести «Ангарские пороги», будет признавать непреодолимое разногласие между моральным миром России – Европы и Сибири – Азии, провозглашая существование этнически однородных, но разных типов ментальности. Н.И. Бобылев будет отделять Восток и Запад на этническом и религиозном уровне, сосредоточившись на изображении и моральной оценке жизни бурят-монгольского народа.

Вместе с тем каждый из писателей попытается преодолеть разногласия между миром Сибири и России, воплотить в своем творчестве идею целостности, единения. Так, отступая от исторических фактов, Н.С. Щукин в романе «Посельщик» создаст образ сосланного в Сибирь русского князя, который, духовно возрождаясь, обретает счастье в браке с бурятской девушкой.

Сибирскую тему не обошел вниманием и русский писатель-эмигрант Г. Газданов: его отец по долгу службы был ненадолго командирован в северные края. Ребенок навсегда запомнил впечатления, полученные в Сибири. Впоследствии они нашли художественное отражение в произведениях раннего периода творчества. Например, в романе «Вечер у Клэр» няня рассказывает ребенку о жизни его родителей в Сибири; в рассказе «Железный Лорд» повествователь называет Сибирь родной страной.

В русской литературе XX оставил яркий след А.В. Вампилов, чье творчество неразрывно связано с Сибирью. В 50-е – 60-е годы основной темой для него становится жизнь людей сибирскихстроек: они работают на Ангаре и в Братске, в Кутулике и Минусинске, на Саянах и в Усолье, бороздя просторы тайги, прокладывая линии электропередач, расчищая просеки для будущих трактов. Сибиряк у А.В. Вампилова пытается противостоять натиску цивилизации, которая попирает этические нормы и правила,

характерные для старожилов. Это бюрократизм, приспособленчество, власть денег, отсутствие морали. Герои, которым автор противопоставляет временщиков, конъюнктурщиков, аскетичны в своих желаниях, скромны, благородны, простодушны, но в то же время импульсивны, беспечны,

Сибирской теме посвящено немало произведений В.М. Шукшина. Образы его персонажей Шукшина воплощают не типологические характеристики сибиряков, а множественность характеров – по-сибирски сложных, готовых к адаптации условиях постоянных изменений и разнообразия жизни. Его герои ищут счастье, одновременно пытаются решить извечную проблему: а могут ли все окружающие быть счастливыми. Суровый северный край изображен писателем как конкретное пространство существования человека, вставшего перед проблемой самоопределения.

Таким образом, сделаем вывод о том, что сибирская тема в литературе начинает разрабатываться с XVII века. Ее осмысление для каждого исторического периода разное. Отсюда следуют и различные коннотации понятия «Сибирь», среди которых выделим основные: место ссылки; колония; богатый край; место освоения новых земель; сакральное пространство.

Выводы по Главе 1

Основными понятиями лингвокультурологии являются культурная коннотация, лингвокультурема, логоэпистема. Культурная коннотация - это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Лингвокультурема - комплексная межуровневая единица, представляющая единство лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания (понятие введено В. В. Воробьевым как аналог фонеме и морфеме). Логоэпистему называют «носителем культурной памяти» и «голосом прошлого», потому что она является символом некоторого стоящего за ней содержания.

Словесный ряд – представленная в тексте последовательность языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотнесенностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста. Мы считаем, что рассмотрение основных единиц лингвокультурологии возможно в пределах словесного ряда.

Вопрос о значении слова «Сибирь» в настоящее время остается открытым, так как в науке представлены десятки концепций по этому поводу. Наиболее распространенные – влияние славянских, тюркских, монгольских языков и санскрита. Самосознание сибиряков связано с независимостью, практичностью, способностью идти на риск ради прибыли. На формирование самосознания оказали влияние исторические, психологические и социальные факторы.

Источником изучения культурной коннотации понятия «Сибирь» прежде всего служит художественная литература. В ней образ Сибири раскрывается в прозе и поэзии. Начало этому было положено протопопом Аввакумом (XVII век). В XVIII веке данная тема нашла отражение в творчестве А.Н. Радищева, М.В. Ломоносова и др. В XIX веке «эстафета» подхвачена К.Ф. Рылеевым, А.С. Грибоедовым, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Н.А. Некрасовым, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым и др. В XX веке ее осмысливали писатели-«деревенщики». Проанализировав тексты названных писателей и поэтов, мы выявили следующие коннотации понятия «Сибирь»: место ссылки; колония; богатый край; место освоения новых земель; сакральное пространство.

ГЛАВА 2. СИБИРЬ В ПОВЕСТИ «ЦАРЬ-РЫБА» В. П. АСТАФЬЕВА

2.1 Сибирская природа в повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева

Произведение В.П. Астафьева «Царь-рыба» создано в 1976 году. Повесть является знаковой не только в контексте «деревенской прозы», у истоков которой также стояли Ф.А. Абрамов, С.П. Залыгин, В.И. Белов, Б.А. Можаяев, В.М. Шукшин, В.Г. Распутин и др., но и с точки зрения «сибирского текста» в русской литературе последней трети XX века.

Значимое место в повести отведено созданию образа сибирской природы. В параграфе 1.1 нами были отмечено, что лингвокультуремы вбирают в себя собственно языковое представление и «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), устойчивую сеть ассоциаций. Поэтому мы полагаем, что культурное содержание лингвокультурем *рыба* и *тайга* играет определяющую роль в создании образа сибирской природы.

Природа Сибири – это проверка сибирского характера на истинность. Алексеенко О. В. писал о том, что «тайны и загадки природы пугают героев рассказов только в том случае, когда они забывают о своей связи с миром природы» [1, С. 7]. Судя по печальному финалу, об этой связи забывает Игнатич. И ладно бы это был человек приезжий, так нет: сибиряк, досконально знающий обычаи края.

Уважаемый среди односельчан, получающий приличный заработок, имеющий золотые руки, он бы мог и дальше накапливать добро и жить в достатке. Но Утробин-старший решил хозяйничать на реке, как в «своей кладовке» [67, С. 95]. Им овладела «чалдонская настырность, самолюбство, жадность» [67, С. 97]. Использование эпитета «чалдонская» в тексте неслучайно. В параграфе 1. 3 нами было отмечено, что ряд исследователей писали о негативной коннотации слова «чалдон». Так, М. Л. Бережнова отмечала, что оно означало «беглый, варнак, каторжник» [29, С. 100]. Ю. М. Широков полагал, что слово «чалдон» было заимствовано из монгольского

языка, в котором есть слово «шолдон», т. е. «презираемый, негодный человек» [69, С. 46]. Таким образом, словосочетание *чалдонская настырность* свидетельствует о духовном несовершенстве Игнатъича.

Важно обратить внимание на фамилию Игнатъича, поскольку она является «говорящей»: Утробин от слова «*утроба*». В Толковом словаре под ред. Ожегова у данного слова следующее толкование: Живот, внутренности. *Ненасытная у.* (о ком-н. прожорливом; также перен.: о жадном, алчном человеке; презр.) [36]. В рамках нашего исследования важным является переносное значение, поскольку оно имеет негативную коннотацию и тем самым подчеркивает жадность Игнатъича.

Образ царь-рыбы становится олицетворением природы и водной стихии: *редкостное – первобытное – доисторический ящер*: «Что-то **редкостное, первобытное** было не только в величине рыбы, но и в формах её тела...на **доисторического ящера** походила рыбина» [67, С. 96]. Обратимся к Толковому словарю под ред. С. И. Ожегова:

Редкостный – редко встречающийся, исключительный (во 2 знач.) [36].

Первобытный – 1. Полн. Ф. Относящийся к древнейшим эпохам истории человечества. *П. человек.* 2. Сохраняющий исконное, первоначальное состояние. *Первобытная природа (девственная, нетронутая).* 3. Перен. Дикий, некультурный, отсталый. *Первобытные нравы* [36].

Доисторический – относящийся к древнейшему периоду, о котором нет исторических свидетельств. *Доисторические времена* [36].

Ящер - 1. Млекопитающее некоторых южных стран с чешуйчатым покрытием тела, длинным хвостом и маленькой головой. 2. Прежнее название некоторых вымерших пресмыкающихся и земноводных [36]. В рамках нашего исследования важно второе значение слова.

Таким образом, автор актуализирует определенный аспект понятия, связанного с обозначением «царь-рыбы»: это не только то, что говорит,

напоминает человеку об истоках природы, о существовании того, что присутствовало в природе еще до того, как на эту землю пришел человек, но и на имплицитном уровне – ответственности человека за эту природу, где царь-рыба стала «редкостным» явлением. В каждом из толкований слов мы наблюдаем упоминание о древнейшей эпохе. Это позволяет сделать вывод, что природа является первопричиной, предпосылкой существования общества.

Утробин-старший, попытавшись вырвать из речного лона рыбу, по сути, совершил над ней насилие, тем самым осквернив ее. Водная стихия и женщина-природа слиты воедино: *женское – бережность – желание сохранить жизнь*: «...рыба плотно и бережно жалась к нему толстым и нежным брюхом. Что-то **женское** было в этой **бережности**, в **желании согреть, сохранить** в себе зародившуюся **жизнь**» [67, С. 100].

Бережность, от прил. «бережный» - заботливый, внимательный и осторожный. *Бережное отношение* [36]. В. П. Астафьев наделяет рыбу материнскими качествами («*бережность*», «*желание сохранить жизнь*»). На основании этого мы можем заключить, что природа – мать всему живому.

Божественная сила природа выражена словесном рядом: *суд – молитва – заслуженная кара – отчитаться за грехи*. Только оказавшись между жизнью и смертью, Игнатъич вспоминает о Боге: «женщина – тварь Божья, за нее и **суд**, и кара особые. До него же, до Бога без **молитвы** не дойдешь. Вот и прими **заслуженную кару**» [67, С. 102]. Он понимает, что «пробил крестный час, пришла пора **отчитаться за грехи**» [67, С. 101].

Молитва – 1. В религии: установленный канонический текст, произносимый при обращении к Богу, к святым. *Читать молитву*. 2. Моление, обращенное к Богу, к святым. *Благодарственная м.* [36].

Заслуженный – 1. прич. страд. прош. вр. от *заслужить*. *Доверие, заслуженное тщательной работой*. 2. Только полн. Соответствующий тому, чего кто-нибудь достоин; справедливый, получаемый по заслугам. *Заслуженный упрек*. 3. Только полн. Имеющий большие заслуги.

Заслуженный ученый. 4. Перен., только полн. Долго служащий, неизменно находящийся в употреблении, постоянный, привычный (шутл.). 5. Только полн. Почетное звание, присваиваемое правительством выдающимся деятелям науки, искусства и пр. (офиц.). *Звание заслуженного артиста* [56]. В контексте нашего исследования важным является второе значение слова.

Кара – (высок.) наказание, возмездие. *Предателя ждет к.* [36].

Отчитаться – сообщить о своих действиях, о том, что поручено, сделано. *О. перед избирателями* [36].

Грех – 1. У верующих: нарушение религиозных предписаний, правил. *Покаяться в грехах*. 2. То, что лежит на совести, отягощает ее как чувство вины. *Г. на душе лежит*. 3. Предосудительный поступок. *Вспомнить о грехах прошлого* [36]. В тексте повести подразумевается второе и третье значения слова.

Таким образом, «царь-рыба не только играет роль природной божественной карающей силы, но и, в то же время, воплощает царство смерти, кратковременное пребывание в котором может помочь человеку возродиться к новой жизни» [9]. Не случайно, когда Игнатийч отпустил рыбу, «ему сделалось легче. Телу – оттого, что рыба не тянула вниз, не висела на нем сутунком, душе – от какого-то, еще не постигнутого умом, освобождения» [67, С. 103].

Выделение образа **царь-рыбы** в качестве одной из основных, определяющих лингвокультурем объясняется тем, что символ рыбы «известен, прежде всего, как раннехристианский символ Иисуса Христа» [60, С. 151]. Кроме того, эта «эмблема в качестве секретного знака Иисуса Христа присутствует на печатях и лампадах в римских катакомбных церквах» [60, С. 152]. Также образ царя-рыбы связан с преданиями о могучей рыбе (ките, щуке), обладающей чудесными возможностями. На ней, на рыбе, держится земля, все мироздание, с ее смертью наступает катастрофа: «Когда кит-рыба потронется, тогда мать-земля всколебается, тогда белый свет наш покончится» [7, С. 561].

Таким образом, природа, с точки зрения Астафьева, обладает божественной силой. Она наказывает не только тех, кто вредит ей, но и тех, кто отступает от нравственных законов и вредит ее созданиям – людям. Однако природа справедлива: тем, кто раскаялся, она дарует прощение.

К числу определяющих в рассматриваемом произведении следует отнести лингвокультурему *тайга*. На первый взгляд, все в тайге кажется простым, «всякому глазу и уху доступно» [67, С. 47]. Но на самом деле природные явления в тайге взаимосвязаны и взаимообусловлены: и охота одного зверька на другого, их стремление продолжить свой род, сохранить потомство, обучить его необходимым навыкам. Так, автор пишет о том, что «...прошла маралуха с телянком. Пошевеливая ушами из стороны в сторону, мать тыкала в землю носом, срывая листок-другой – не столько уж покормиться самой, сколько показать дитю, как это делается» и том, как «выслеживает соболек белку, чтобы унести своим соболятам на корм» [67, С. 47]. Кроме того, важным является описание цикличности природных процессов. Зарождение новой жизни представлено следующим словесным рядом: *пупыри* набухли - эти пупырышки превратятся в крупные *шишки* - нальется в них лаково-желтый *орех*: «Сиреневые игрушечные *пупыри* набухли в лапах кедрочей, через месяц-два эти пупырышки превратятся в крупные *шишки*, нальется в них лаково-желтый *орех*» [67, С. 47].

Пупырь (разг.) – 1. Округлый бугорок на поверхности чего-н. 2. То же, что прыщ [36]. В тексте повести подразумевается первое толкование слова. В «Полном словаре сибирского говора» под ред. Блиновой О. И. есть толкование слову «пупырёчек». Пупырёчек – небольшая выпуклость, *шишечка*; пупырышек [39, С. 153].

Шишка – 1. Соцветие и плод хвойных и некоторых других растений круглой и овальной формы, покрытый чешуйками. *Сосновая, еловая, ольховая ш.* 2. Бугорок, округлая выпуклость. *Набить шишку на лбу.* 3. Твердый шарик на конце какого-н. предмета. *Трость с металлической*

шишкой. 4. О важном, влиятельном человеке (разг. ирон.). *Он там большая ш.* [36]. В тексте повести подразумевается первое толкование слова.

Орех – 1. Плод некоторых деревьев или кустарников со съедобным ядром в скорлупе. *Лесные орехи*. 2. Дерево, приносящее такие плоды, а также твердая древесина его, идущая на столярные изделия. *Мебель из ореха* [36].

Цикличность в природе определяется всем, что существует, живет в природе, так «прилетела **жарового цвета** птица **ронжа**, зачем-то **отвинтила, оторвала** лапами сиреневую **шишечку** с кедра и **умахала** в кусты» [67, С. 47]. Здесь следует обратить внимание и на использование в словесном ряду диалектных и просторечных слов: жаровый цвет (огненно-красный [49, С. 110]) – ронжа (это собственно сибирская птица, разновидность сойки) – шишечка (использование уменьшительно-ласкательного суффикса, придающего субъективную окрашенность) – умахать (разг.-сниж. Быстро преодолеть большое расстояние [23]).

Цикличность лежит в основе бесконечного круговорота жизни. Отсюда следует, что природные законы незыблемы. Благодаря им и тайга, и жизнь в ней будут вечными. Об этом свидетельствует следующий словесный ряд: *звезды потухали – разбивались – расцветали; деревья умирали – рождались*. «Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды **потухали** иль **разбивались** на осколки, взамен их **расцветали** на небе другие. И деревья в тайге **умирали** и **рождались**, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена в воду, по ветру, птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох» [67, С. 47]. В основе данного словесного ряда лежит антитеза (*потухали - расцветали, умирали - рождались*).

Величественный покой и нерушимость мира природы представлены следующим словесным рядом: *тайга величественна, торжественна, невозмутима*. Образ тайги как явления определяющего в образе Сибири дан с позиции рассказчика, ощущающего каждой клеточкой своего естества ее величие и космическую протяженность в пространстве: «Нам только

кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже...страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности...Тайга все так же **величественна, торжественна, невозмутима**» [67, С. 47].

Величественный – (высок.). Исполненный величия. *Величественные свершения* [36].

Торжественный – 1. Относящийся к проведению торжества, праздника, сопровождающийся торжеством. *Торжественное шествие*. 2. Важный, величавый и серьезный. *Торжественный тон*. 3. Полн. ф. нерушимый, священный. *Торжественное обещание* [36]. К нашему исследованию применимо второе значение слова.

Невозмутимый – 1. Ничем не нарушаемый. *Невозмутимая тишина*. 2. Полный самообладания, спокойный. *Н. тон* [36].

Анализируемый словесный ряд свидетельствует о том, что сибирской природе присуще ничем не нарушаемое величественное спокойствие. Кроме того, она дарует покой тем, кто живет в гармонии с ней: «Ощущение первобытного **покоя**, того устойчивого уюта, сладость которого понимают во всей полноте лишь бездомовые скитальцы и люди, много работающие на холоде...» [67, С. 208].

Таким образом, лингвокультура **рыба** и **тайга** играют определяющую роль в создании образа сибирской природы.

2.2 Лингвокультура «сибирский характер» в повести «Царь-рыба» В.

П. Астафьева

На содержание понятия «сибирский характер» первыми обратили внимание исследователи, работающие в области литературоведения. По мнению Гончарова П. П., сибирский характер является одним из художественных открытий В. П. Астафьева [16, С.298]. По В. Е. Хализеву, характер – это «не жизненная основа изображаемого, а персонаж,

воспроизведенный в многоплановости и взаимосвязи его черт, а потому воспринимаемый как живое лицо» [66, С. 47].

Пространство повести «Царь-рыба» предельно населено разными персонажами. Это жители поселка Чуш, охарактеризованные автором как угрюмый и потаенный сброд; это крестьяне Утробины, превратившиеся в браконьеров; это Дамка, названный «бросовым человечешкой» [67, С. 128]; рыбак Грохотало, к которому пристало прозвище «бандеровец»; трое охотников-промысловиков, заброшенных в тундру; Гога Герцев, высокомерный и своевольный молодой человек; беглые уголовники; автобиографический герой. Все они составляют собирательный образ обитателя Сибири.

В этом перечне нет героя, благодаря которому создается сюжетообразующая линия произведения, – Акима. Уроженец низовьев Енисея, подростком потерявший мать, утративший связи с братьями и сестрами, бессемейный и бездомный, он пользуется наибольшей симпатией В.П. Астафьева. Время от времени в тексте он называется Акимой, тем самым писатель связывает «персонажа с коренными обитателями» и воспроизводит особенности произношения «нерусского населения Сибири» (*верис* (веришь), *вылетис* (вылетишь), *промыслять* (промышлять), *сто* (что)) [1, С. 298].

Аким появляется в большинстве глав, а во второй становится главным действующим лицом повести («Уха на Боганиде», «Поминки», «Сон о белых горах»). Если не считать автобиографического героя, других сквозных персонажей в тексте нет. Для В. П. Астафьева, чье произведение написано в 70-е годы XX века, близок герой, живущий в единении с природой, с родной землей. Его воплощением и становится Аким. Это сибиряк, в чьих жилах течет русская и аборигенная кровь. Выросший в Боганиде, воспитанный артельщиками, всецело проникшийся духом коллективизма, Аким «вобрал в себя представления автора о сильных и уязвимых сторонах сибиряка» [1, С.

298]. Для того, чтобы доказать данный тезис, необходимо проанализировать словесные ряды, которые раскрывают характер Акима.

Прежде всего, важно отметить, что имя Аким, по нашему мнению, выбрано автором неслучайно. Существует две версии его происхождения. Согласно первой версии имя Аким является древнееврейской формой имени Иоаким, что означает «*Воздвигнутый Богом*», «*Ставленник Божий*». Вторая версия заключается в том, что имя Аким образовано от арабского Хаким, которое переводится как «*умный*», «*образованный*», «*мыслящий*», «*ученый*», «*мыслитель*», «*мудрец*» [56, С. 39]. Мы полагаем, что имя «Аким» в тексте повести «Царь-рыба» также следует отнести к числу лингвокультурем, поскольку его семантика позволяет раскрыть авторскую позицию. Так, ранее мы уже отмечали, что природа, с точки зрения В. П. Астафьева, обладает божественной силой: карает тех, кто посягает на нее, и дарует покой тем, кто живет по ее законам. Аким, «ставленник Божий» и «мудрец», является примером того, как нужно жить в согласии с природой. Культурное содержание имени героя доказывает, что он является носителем авторского представления о жизни.

Глава «Уха на Боганиде» начинается описанием цветка, который навсегда остался в памяти Акима: *стойкий* цветок тундры – *оказались схожими жизнь Акима и северного цветка – дерзко стоял – уверенно, вызывающе, не прячась в благостное затишье – дерзко выйдя: «стойкий* цветок тундры, приручивший само солнце, жил и цвел в памяти отдельно от всех воспоминаний, потому что где-то и в чем-то **оказались схожими жизнь Акима и северного цветка**» [67, С. 117]. Получается, что цветок является своего рода символом жизни Акима. Он «**дерзко** стоял на обдувном холме, где не отошла еще, лишь отпотела тонкая корочка земли...жил на холме **уверенно, вызывающе**, не прячась в благостное затишье, **дерзко** выйдя навстречу зазимкам, ветрам и студеным мокромозготникам» [67, С. 117].

Стойкий – 1. Прочный, неослабевающий. *С. кирпич.* 2. Перен. Непоколебимый, упорный, твердый. *С. характер* [36]. Для нашего исследования важным является переносное значение слова.

Дерзкий – 1. Исполненный дерзания, смелый (высок.). *Д. маневр.* 2. Непочтительно, оскорбительно грубый. *Д. мальчишка* [36]. В тексте повести подразумевается первое значение.

Уверенный – твердый, не колеблющийся, не сомневающийся. *У. шаг* [36].

Вызывающий – содержащий в себе вызов (в 3 знач.), обращающий на себя внимание дерзостью, несоответствием приличию. *Говорить вызывающим тоном.* **Вызов** (в 3 знач.) – кому-чему. Выраженное словами, поступками, взглядом желание вступить в борьбу, спор [36].

Таким образом, северный цветок всеми силами стремится приспособиться к трудным природным условиям и жить в согласии с ней. Неслучайно «чашечка, почти выворачиваясь живым зевом, подставляла маковку солнцу», «до последней секунды заката цветок дышит теплом светила, поворачивая вслед ему яркую головку», «жилкой вонзившегося в мерзлоту корешка цветок вытягивает влагу» [67, С. 118].

В «Словаре символов» Тресиддера указано, что цветок символизирует духовное совершенство, божественное благословение и доброту. Также «цветок – лаконичный символ природы, беспредельности ее совершенства; эмблема круговращения – рождения, жизни, смерти и возрождения» [60, С. 189]. Цветы являются духовным символом во многих религиях. Например, цветы водосбора – знак Святого Духа; Дева Мария изображается держащей в лилию или ирис. Цветок, о котором идет речь в повести, символизирует жизнь Акима. Культурное содержание данного символа и словесный ряд свидетельствуют о том, что Аким – герой, живущий в согласии с природой.

Обратимся к словесному ряду, который содержит внешнюю характеристику Акима: *паренек в светленьких и жидких волосенках – с приплюснутыми глазами – тонкокожее, изветренное лицо – мал ростиком –*

косолап – бесцветен, как болотная сыроежка: «паренек в светленьких и жидких волосенках, с приплюснутыми глазами и совершенно простодушной на тонкокожем, изветренном лице улыбкой» [67, С. 37]. А в повести «Поминки» автор отмечает, что Аким «мал ростиком, косолап, бесцветен, как болотная сыроежка» [67, С. 149]. Следовательно, внешность Акима заурядна и ничем не примечательна. Рассмотрим следующий словесный ряд: *рука сухожильная, жесткая – сбит прочно – всего и не упомнишь, кем он был и какие работы выполнял*: «рука сухожильная, жесткая...сбит прочно» [67, С. 37]. Работая в геологическом отряде, Аким «числился водителем вездехода, а вообще-то слесарил, гонял движок, был мотористом насосной станции, лебедчиком, заправщиком буровых долот, словом, **всего и не упомнишь, кем он был и какие работы выполнял**» [67, С. 144].

Сухожильный от сущ. «сухожилие» - плотная и упругая соединительная ткань мышцы [36].

Жесткий – 1. Твердый, плотный на ощупь; не упругий. *Жесткие стулья*. 2. Полн. ф. О транспортных средствах: с твердыми сидениями, полками. *Ж. вагон*. 3. Суровый, грубоватый, резкий. *Ж. характер*. 4. Не допускающий отклонений, безоговорочный. *Ж. срок*. 5. О воде: насыщенный солями кальция и магния, не мягкий [36]. В тексте повести подразумевается первое значение слова.

Прочный – 1. С трудом поддающийся разрушению, порче, крепкий. *П. мост*. 2. Надежный, не подверженный переменам, постоянный. *П. мир* [36].

Таким образом, Акиму свойственно много трудиться. Одежда его типична для работающего человека: болотные сапоги, телогрейка.

Акиму свойственна хозяйственность, о чем свидетельствует следующий словесный ряд: *надо проконопатить, обшить дверь – окошко оклеить, промазать – пол приподнять – дров наширкать – запасти накрохи – вышарил лес – выбрал бруснику- натаскал и наморозил рябины – посушил черемухи*. Так, обдумывая свое жильё в зимовье, он отмечает, что «надо проконопатить, обшить дверь, набить за оконный надброник

моху...окошко оклеить, промазать, пол приподнять...главное же – дров на весь сезон наширкать, запастись накрохи, птицы, рыбы» [67, С. 176] . К зиме Аким готовился основательно: «вышарил весь ближний лес, выбрал подчистую бруснику, замочил ее в баночках, хранил на чердаке в корзинах, которые плел долгими ночами...натаскал и наморозил рябины, посушил черемухи, черничного листа» [67, С. 197].

Проконопатить - забить пазы, щели в чем-нибудь [36].

Вышарить – обыскать [61].

Накроха – приманка [50, С. 338].

Ширкать – 1. Тереть. 2. Экспресс. Медленно пилить [53, С. 346].

Отношение Акима к природе раскрывается через следующий словесный ряд: *отыскивали едомую траву, всходы дикого лука, листики щавеля, выпрыски тальников – жевали зелень – выбирали яйца и пили их – ради хлеба*. Будучи ребенком, Аким вместе с братьями и сестрами «рассыпались по коричневому...берегу и в истлевших ворохах намытого мусора, в валики скатанного мха, старой осоки *отыскивали едомую траву, острые всходы дикого лука, бледные листики щавеля, выпрыски тальников...жевали зелень...находили гнезда куликов, чаек, трясогузок, выбирали* из них *яйца и* тут же *пили их...*» [67, С. 120]. Аким придерживается мнения, что «отвратительно шкурки пялить (надевать с трудом [23]) на себя...охотник пушнину **ради хлеба добывает** – сам мехов не носит» [64, С. 199] .

Едомый – съедобный, пригодный для еды [49, С. 90].

Выпрыск (разг.-сниж.) – молодой побег растения [22].

Таким образом, отношение Акима к природе «естественное», трезвое. Он использует ее блага для поддержания жизни, а не ради азарта или обогащения.

Сохранивший многие привычки местного населения, Аким любит хорошо и плотно поесть, о чем свидетельствует следующий словесный ряд: *всю добычу завалил в ведро – навар – вприкуску с береговым луком*

неторопливо подчистили весь улов до косточки, даже головы рыбы высосали – жახнув по пятку кружечек чаю – маленько закусили – поглощенный чревоугодничеством, мурлыкая от удовольствия, лопал мясо. Рассказчик наблюдал за тем, как Аким готовил уху: «Аким умело, быстро очистил пойманную рыбу. Я подумал, подсолить хочет, чтобы не испортилась. Но, прокипятив воду с картошкой, пана **всю добычу** завалил в ведро...это была уха! Ухи, по правде сказать, в ведре почти не оказалось, был **навар**, и какой!» [67, С. 42]. После ему довелось увидеть трапезу Акима и Коли: «сельдюки вприкуску с береговым луком неторопливо **подчистили весь улов до косточки, даже головы рыбы высосали...Жажнув по пятку кружечек чаю...подвели итог:...маленько закусили**» [67, С. 43]. Даже своеобразный привкус медвежатины для Акима в радость: «Аким, **поглощенный чревоугодничеством, мурлыкая от удовольствия, лопал** мясо, ни на кого не обращая внимания» [67, С. 156]. Глядя на него, отважились попробовать необычное блюдо и члены геологического отряда, в результате «к закату следующего дня от медведя остались одни лапы в темных шерстяных носках» [67, С. 156].

Навар – 1. Жир, образующийся на поверхности жидкого кушанья при варке. 2. Жидкость, насыщенная соком варившегося в ней продукта [23].

Подчистить – 1. Что. Слегка очистить; вычистить. *П. садовые дорожки.* 2. Что. Соскоблить, стереть (написанное). *П. опечатку в машинописи.* 3. Чего. Дополнительно очистить. *П. картошки.* 4. Что. Израсходовать или съесть все, полностью (разг.). *П. все запасы* [36]. В тексте повести подразумевается четвертое значение слова.

Жажнуть – быстро выпить [49, С. 111].

Чревоугодие – неумеренность в еде, обжорство [36].

Лопать - (прост.) Есть, принимать пищу. *Лопай, что дают* [36].

Поистине первозданным, природным человеком описан Аким в эпизоде встречи с пьяной эвенкийкой. Знакомство двух коренных жителей Сибири одновременно выглядело завораживающе и пугающе – пугающе

свободой «детей природы». Для описания поведения женщины В.П. Астафьев использует словосочетание *дико крича*, динамика ее движения передана с помощью глаголов *забесновалась* и *запрыгала*. В тот момент «похожа она была на шаманку» [67, С. 172]. Услышав призывный зов, Аким тоже преобразился: еще секунду назад он еле передвигал ноги, как вдруг «мгновенно оживился, заприплясывал на тротуаре, подсвистывая, раскинув руки, топыря пальцы, работая кистями, пошел встречь красотке, словно бы слышал ему лишь понятные позывные» [67, С. 172]. Спутник пробовал успокоить Акима, но тот уже не слышал и не видел ничего, кроме женщины: «"пана", точно на токовище, сближался с самкой» [67, С. 172].

Совсем иначе он ведет себя в зимовье, где обнаруживает умирающую туристку Элю, для которой «стал *«фершалом» (фельдшером), сестрой милосердия, нянькой, сиделкой»* [67, С. 196]. В данном словесном ряду важно обратить внимание на слово «нянька». В «Толковом словаре» под ред. С. И. Ожегова дается два его значения: 1) То же, что няня; 2) перен. Тот, кто опекает несамостоятельного, нерадивого или неумелого взрослого человека [36]. Переносное значение слова «нянька» в контексте повести показывает, каким человеком была Эля до встречи с Акимом. Он не просто спас её от смерти, он способствовал исцелению её души. Процесс исцеления героини представлен через описание ее волос. Подтверждением данного тезиса служит следующий словесный ряд: *неродные волосы – живая темная волна волос смывала искусственную муть – внутри человека отмирало и менялось что-то – темная волна живых волос сжимала, прореживала*. Сначала автор пишет, что у Эли «были отбелены волосы, но давно отбелены, и она сделалась пестрая. Больше, чем на четверть отросли у нее волосы орехового цвета, свои. Аким вымыл, вычесал из них весь гнус, а в тех, **неродных волосах**, что ковылью-травой струились ниже, гнус не держался» [67, С. 179]. Позднее, когда Эля пошла на поправку и прониклась уважением к своему спасителю, её волосы описаны иначе: «**Живая темная волна волос** ее набегала на отбеленные, захлестывала, смывала **искусственную муть**. И

внутри человека, угадывал Аким, отмирало и менялось что-то» [67, С. 199]. Следует обратить внимание на словосочетание «*искусственная муть*».

Искусственный – 1. Полн. ф. Не природный, сделанный наподобие подлинного. *И. жемчуг*. 2. Притворный, неискренний. *И. смех* [36].

Муть – 1. Мельчайшие частицы в жидкости, делающие ее непрозрачной, мутной, а также осадок от находящихся в жидкости мелких частиц. *М. в бутылке*. 2. перен. Помраченность, отсутствие ясности сознания. *Муть в голове*. [36]. В рамках нашего исследования важным является переносное значение слова.

Рядом с Акимом сознание Эли стало проясняться и она начала задумываться о своей прошлой жизни: «Напутала я что-то в жизни, наплела...Бога – не Бога, но кого-то прогневила...» [67, С. 208]. Именно в этот момент автор снова описывает волосы героини: «Белые, как приклеенные, волосы изредились, оплыли вниз, совсем уж на кончиках остались; темная **волна живых волос** все напористой сжимала их, прореживала» [67, С. 208] . Описывая духовное исцеление Эли, Астафьев каждый раз употребляет словосочетание «*волна живых волос*». В словаре под ред. Ожегова у слова «живой» семь значений: 1. Такой, который живет, обладает жизнью. *Живое существо*. 2. полн. ф. Подлинный, самый настоящий. *Изобразить живых людей*. 3. Деятельный, полный жизненной энергии. *Ж. ум*. 4. Легкий и занимательный, выразительный. *Живое изложение*. 5. полн. ф. Отвечающий реальным потребностям, жизненный. *Живое дело*. 6. Остро переживаемый. Живая обида. 7. кратк. ф., кем-чем. Такой, который существует благодаря кому-чему-н., черпает силу в ком-чем-н. *Жив надеждой* [36]. Для нашего исследования важным является второе значение слова.

Также обратим внимание на слово «волна». **Волна** – 1. Водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности. Шум волн. 2. Колебательное движение в физической среде, а также распространение этого движения. Звуковая в. 3. перен., кого-чего. О том, что движется друг за другом во

множестве на некотором расстоянии; о массовом проявлении чего-н. В. бегущих, наступающих [36]. В рамках нашего исследования важным является переносное значение слова.

В «Словаре символов» Д. Тресиддера написано, что волосы символизируют жизненную силу и мощь. «Символизм роста волос отражен в истории Самсона, воина древнеиудейского назорейства, чьи длинные волосы были знаком харизматической святости и **духовного здоровья**» [60, С. 34]. Таким образом, вышеназванный словесный ряд свидетельствует о воссоединении Эли с истоками природы и ее духовном исцелении.

Акиму свойственна самоотверженная забота о людях: *три дня – три ночи – одолевая смерть – спасая человека – любой человек – свой человек*. Помогая Эле, «**три дня и три бессонные ночи** провел он в полной отключенности от мира, одолевая смерть, спасая человека» [67, С. 178]. Число *три* – «одно из самых положительных чисел-эмблем не только в символике, но и религиозной мысли» [60, С. 177], поскольку обозначает обновление, созидание, рождение и рост. Кроме того, число *три* способно заменить число один при обозначении «многопланового и мощного союза» [60, С. 178]. Например, доктрина Троиственного Бога, которая позволяет соединить в едином Боге Отца, Сына и Святого Духа. Использование символа «три» в тексте повести показывает, что помощь Акима Эле почти божественна, потому что помогает он, применяя природные ресурсы: «У каждого лекаря-самоучки есть своя заветная травка, в силу которой он верит особо...седьминчик Аким, где бы ни увидел, обязательно срывал, и нынче запас он колдовской травы, экономно ее заваривал, давая больной испить на сон» [67, С. 199].

По его мнению, «таков закон тайги, искать в надежде, что человек не пропал, ждет выручку, нуждается в помощи» [67, С. 180]. Для Акима «**любой человек, в тайге встреченный, - свой человек**» [67, С. 181].

Важно вспомнить сцену отъезда из зимовья, когда Аким с трудом поставил Элю на ноги. Он сделал нечеловечески тяжелую, героическую

попытку вырваться из плена зимней тайги, едва не замерз. Отметим следующий словесный ряд: *заступник – покровитель – опора – защита – кормилец – хозяин – господин*. В эти погибельные часы молилась Эля, обращаясь «не к небу, а к нему, к мужчине, к земному **заступнику** и **покровителю**, который во веки веков был **опорой** и **защитой** женщине, **кормильцем** ее, **хозяином** и **господином**» [67, С. 230].

Заступник – тот, кто заступает, выступает в защиту кого-н. [36].

Покровитель – человек, который оказывает кому-н. покровительство, протекцию. Сильный п. Покровительство – 1. Защита, заступничество, оказываемое кому-н. Искать чьего-н. покровительства. 2. Благоприятное отношение, поощрение какой-н. деятельности (устар.) [36].

Опора – 1. См. опереть, -ся. 2. Место, на котором можно утвердить, укрепить что-н. для придания прочного, постоянного положения, а также предмет, служащий для поддержки чего-н., подпорка. *Трость – о. при ходьбе*. 3. Перен. Сила, поддерживающая кого-что-н., помощь и поддержка в чем-н. *Сын – опора семьи* [36]. В рамках нашего исследования важным является переносное значение слова.

Защита – 1. См. защитить. 2. То, что защищает, служит обороной. *Искать защиты*. 3. Собир. Защищающая сторона в судебном процессе. *Выступление защиты*. 4. Собир. Часть спортивной команды, имеющая задачу не допустить мяч, шайбу в свои ворота. *Играть в защите* [36].

Защитить – 1. Кого-что. Охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности. 3. обиженного. 2. Кого-что. Предохранить, обезопасить отчего-н. 3. от холода. 3. Свою точку зрения. 4. В целях получения соответствующей квалификации публично (на заседании ученого совета или перед специальной комиссией) обосновать положения своей диссертации, проекта, диплома [36]. В нашем исследовании важным является слово «защита» в первом значении.

Кормилец – 1. Человек, который содержит на иждивении кого-н. (офиц.), а также вообще человек, который кормит, дает пропитание кому-н.

Назначить пенсию после смерти кормильца. 2. Ласковое обращение к мужчине (устар. прост) [36].

Хозяин – 1. То же, что владделец. *Х. дачи.* 2. Перен. Полновластный распорядитель. *Отец – х. в доме.* 3. Человек, который ведет хозяйство, хозяйственные дела. *Хороший, расчетливый х.* 4. Лицо, пользующееся наемным трудом, частный наниматель. *Х. и работник.* 5. Глава дома, семьи, хозяйства. *Х. рад гостям.* 6. Обращение к тому, кто распоряжается, ведет чем-н. (прост.). 7. Муж, супруг (прост.). 8. О начальнике по отношению к подчиненным (прост.). 9. Организм как среда обитания и источник питания паразитов (спец.). *Растение х.* [36]. В рамках нашей работы следует обратить внимание на третье и пятое значение слова.

Господин – 1. Человек из привилегированных кругов. *Важный, сановный г.* 2. Человек, обладающий властью над теми, кто от него зависит, повелитель. Господа и крепостные. 3. чего. Тот, кто властен распоряжаться чем-н. *Г. положения.* 4. Форма вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании. *Г. министр* [36]. В тексте повести подразумевается третье значение слова.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: Эля осознала беспредельность и могущество природы. Она поняла, что без защиты Акима ей не выжить в тайге. Поняла, что в сложившихся обстоятельствах ее жизнь зависит от Акима. Обессиленную от болезни и голода девушку, он не только выходил, но и передал на руки поселковому фельдшеру: осмотрев «путешественницу поневоле», специалист с удовольствием констатировал: «Парень-то, что в его силах-возможностях было, делал правильно. Таежная наука!» [67, С. 233]. Называя Акима спасителем, фельдшер пояснил девушке, что ее проводник, если случится тому заболеть, лечится исключительно таежным способом – баней, веником и гусиным салом.

Другой характер, который характеризует скорее человека, чуждого сибирякам, рисуется автором в образе Гоги Герцева. Прежде всего, нужно отметить, что имя *Георгий* происходит от древнегреческого слова «георгос»,

которое означает «возделывающий землю», «земледелец». Примечательно, что в Георгии «таится склонность к честолюбию, возможно даже к некоторому высокомерию» [56, С. 121].

Астафьев относится к Герцеву отстраненно, этот герой ему не близок. Отстраненность выражается в том, рассказ о Герцеве представлен в другом временном плане, вначале это мертвый человек: *выгрызенное горло – попорченное лицо – форсистые бакенбардики висели моховыми лохмотьями – иссосанный – изгрызенный – поверженный*: «До пояса замытый песком, возле воды лежал человек с **выгрызленным горлом**, и **попорченным лицом**...**Бакенбардики**, когда-то **форсистые**, отклеились, сползли с кожей щек к ушам, **висели моховыми лохмотьями**» [67, С. 181]; «**иссосанный** гальянами, **изгрызенный** соболушками, валялся, **поверженный** смертью» [67, С. 186]. Проанализируем данный словесный ряд:

Бакенбарды – волосы, растущие от висков по щекам (обычно при выбритом подбородке) [36]. В тексте употреблено слово «бакенбардики». Наличие в нем уменьшительно-ласкательного суффикса -ик- и сравнение с «моховыми лохмотьями» говорит о том, что автор не переживает по поводу гибели героя. Иронию можно усмотреть в наличии эпитета «форсистые». Форсистый – щеголеватый, франтоватый, заносчивый. *Форсистый молодой человек* [61].

Попорченный от гл. **попортить** – 1) а) Повредить, привести в негодность; б) Обезобразить, сделать некрасивым; в) Причинить повреждение, привести здоровье в состояние, не соответствующее обычному. 2) а) Ухудшить в какой-л. степени; б) изменить в худшую сторону. 3) Привить дурные наклонности, оказать плохое влияние [23].

Иссосанный от гл. **иссосать** – совершенно истощить, испортить сосанием. *Котята совсем иссосали кошку* [61]

Поверженный от гл. **повергнуть** – 1. Кого-что. Повалить, опрокинуть (устар. высок.) *П. в прах* (перен.: уничтожить). 2. Кого (что) во что. Привести в какое-н. тяжелое состояние (высок.). *П. в ужас* [36].

Употребление слов «*попорченный*», «*иссосанный*», «*поверженный*» при описании Герцева свидетельствует, на наш взгляд, о том, что смерть его была заслуженной и неизбежной.

История Гоги Герцева представлена с позиций воспоминаний других героев. Во-первых, это позиция Акима. Отметим словесный ряд, характеризующий Герцева с позиции Акима: *сам по себе и для себя жил – злой на язык – дистанция независимости – держался гоголем – возвысивший себя над остальными людьми – выдрючивается – беспокойно с людьми – свободный человек - сам себе Бог*. Аким и Гога встретились в геологической экспедиции. Аким помнил, что Герцев «не считал людей ни друзьями, ни товарищами, он «сам по себе и для себя жил», был «злой на язык», «хранил дистанцию независимости», «держался гоголем» (держаться гордо, с независимым видом [36]), он не нуждался «в любви и разных там расслабляющих человека чувствах» [67, С. 182]. Герцеву была присуща «интонация, которая дается людям, еще с пеленок возвысившим себя над остальными людьми» [67, С. 182], он постоянно подчеркивал, что является «свободным человеком». Аким недоумевал «отчего это человек все время выдрючивается (выдрючиваться - всеми способами стараться обратить на себя внимание, выставить себя напоказ [23]), все ему как-то беспокойно с людьми» [67, С. 183].

Ключевой для понимания характера Герцева является сцена столкновения с Акимом из-за медали Киряги-дереваги. Аким говорит пророческие слова: «Кирьку старухи зовут божьим человеком. Да он божий и есть! Бог тебя и накажет» [67, С. 185]. На это Герцев заявляет, что «**сам себе Бог**». Получив удар от Акима, он не решился броситься на него в ответ, из чего Аким заключил, что «парня этого, выхоленного, здорового, никто никогда не бил, а ему бывать приходилось всемером одного» [67, С. 185].

Таким образом, Герцев свойственен эгоцентризм, он рассматривал свободу как самоутверждение в независимости от людей, в возвышении над ними.

Во-вторых, он представлен читателю с позиции воспоминаний Эли: *мысли не свои – путая чужое со своим – расплывчатый – неоконтуренный*. Она замечает, что Герцев «**мысли** изрекал не новые и **не свои**» [67, С. 184]. Читая его дневник, Эля была удивлена, «что такой аккуратный в делах человек не ставил имен авторов под цитатами из книг и научных трудов, как бы ненароком **путая чужое со своим**» [67, С. 205]. Также Элю поразил тот факт, что за короткий промежуток времени она забыла лицо Герцева, осталось в «памяти что-то расплывчатое...А может, он и был таким **расплывчатым, неоконтуренным**» [67, С. 205].

Расплывчатый – 1. Неотчетливый, с неясными контурами. *Р. рисунок*. 2. перен. Неясный, неопределенно выраженный. *Р. ответ* [36].

Неоконтуренный, то есть не имеющий контура. **Контур** – внешнее очертание чего-н. Контуров рисунка [36].

Данный словесный ряд свидетельствует о внутренней пустоте Гоги Герцева. Это подтверждается также использованием в тексте повести лингвокультурема *Печорин*. Библиотекарша Людочка однажды отозвалась о Герцеве следующим образом: ««Экий современный Печорин с замашками мюнхенского штурмовика!»» [67, С. 210]. Названная лингвокультурема демонстрирует претенциозность и заемность философии Герцева.

Эля отчетливо помнила только его руки: *схватить – сгрести – придавить*: «На них, на этих крепких, все умеющих руках, засучены рукава; сжатые в полугорсть, готовые в любой миг **схватить, сгрести, придавить**» [67, С. 204].

Схватить – 1. См. хватать. 2. Перен., что Усвоить, понять (разг.). *Быстро схватил чужую мысль*. 3. Перен., что. Приобрести, получить какую-н. болезнь (разг.). *С. сильный насморк*. 4. Что. Скрепить, соединить. *С. бревна скобами*. 5. (1 и 2 л. не употр.), кого-что. Об ощущении внезапной сильной боли (прост.). *Живот схватило* (безл.) [36].

Хватать – 1. Кого-что. Брать резким, быстрым движением руки или зубов, рта. *Х. за руку*. 2. Кого (что). Ловить, задерживать (разг.). *Х. вора*. 3. Что. Брать, приобретать без разбора (разг.). *Х. что попало* [36]. В тексте повести подразумевается третье значение.

Сгрести – 1. Что: Гребя, собрать в одно место (что-н. сыпучее, рассыпающееся). *С. сено*. 2. Что. Гребя, скинуть. *С. снег с крыши*. 3. Кого-что. Неловко, неуклюже схватить, обхватить (прост.). *С. в охапку* [36].

Придавить – надавив, прижать. *П. палец* [36].

Данный словесный ряд дает ответ на вопрос, почему Гога Герцев был наказан природой: он привык брать, но при этом ничего не отдавать взамен. Подтверждением этому служит отношение к своему ребенку: «Семья – моя грубая ошибка!» [64, С. 184].

Особо интересен, с нашей точки зрения, образ матери Акима, поскольку он раскрывает тему сибирского характера и является воплощением природного начала. Образ матери представлен следующим словесным рядом: *бесхитростная – девочка-подросток по уму и сердцу – детская незавершенность - безвинность*. Это собирательный образ, о чем, прежде всего, свидетельствует отсутствие имени героини. Главная ее характеристика – стихия природного безотчетного материнства: «Мать рано стала носить детей» [67, С. 118]. Каждый год она рожала по ребенку от заезжих рыбаков, но, несмотря на данные обстоятельства, за ней не прижилось слово «ветренка». Может быть, потому, что мать не сердилась за это, поскольку просто не понимала значения: «**Бесхитростная**, не умеющая далеко глядеть и много думать» [67, С. 133].

Хотя местные бабы поначалу пытались ее уязвить, ибо своего «первенца Акимку, прижила на шестнадцатом году» [67, С. 118], но потом успокоились и стали помогать растить «табунок детей» [67, С. 118], который мужики Боганиды считали своим: «Наши!» - подтверждали рыбаки» [67, С. 118]. Не имея жизненного опыта, она интуитивно научилась заботиться о детях, отдавая им все, что только могла: «Чему учить ее не надо было, так это

легко, беззаботно и весело любить ребяташек и всех живых людей. Даже в самые голодные зимы она не желала смерти детям» [67, С. 119].

«Мать была и осталась **девчонкой-подростком** по уму и сердцу» [64, С. 118]. Важным является описание ее внешности: «волосы отливали воронью, перышки бровей, как бы вдавленные в лоб, придавали лицу какую-то **детскую незавершенность и безвинность**» [67, С. 120].

На основании выделенного словесного ряда мы можем заключить, что Астафьев сравнивает мать с ребенком («девочка-подросток», «детская незавершенность») и, соответственно, наделяет ее чертами, которые свойственным ребенку («бесхитростная», «безвинность»).

Бесхитростный – прямодушный, простой. *Б. ребенок* [36].

Безвинный (устар.) – То же, что невинный. Невинный – не имеющий за собой вины, не совершивший проступка, преступления [36].

Ребенок символизирует чистоту, потенциальные возможности, невинность, искренность – «символ природного первородного состояния» [60, С. 146]. Таким образом, мать, по мысли В. П. Астафьева, дитя природы.

Вышеназванный тезис подтверждается и следующим словесным рядом: *закококала болотной курочкой – вздыхала будто оленуха - окосолапела, как медведица – распустилась всеми ветвями и корнями своего тела*. Мать знала единственный нехитрый закон природы: все весной пробуждается, весной зарождается в природе новая жизнь. Для «касышек» «самой большой заботой и радостью было дожить до весны, до солнца, до тепла, до рыбы, до ягод» [67, С. 119]. Весна для северного человека – праздник, которого он ждет долгую зиму. «Весна, сыносок! Весна!...Весной и птицы, и звери, и люди любят друг дружку» [67, С. 121]. Автор использует сравнения из мира природы, чтобы подчеркнуть в героине естественность и материнское начало: «закококала **болотной курочкой**» [67, С. 118], «вздыхала, будто **оленуха**» [67, С. 133]. Когда же мать заболела, то за лето «одряхлела, согнулась, окосолапела, как старая **медведица**» [67, С. 137]. Также важно вспомнить сцену, когда мать кормит младенца грудью: «Мать, почувствовав

ребристое, горячее небо младенца, **распустилась всеми ветвями и корнями своего тела**, гнала по ним капли живительного молока, и по раскрытой почке соска оно переливалось в такой гибкий, живой, родной росточек» [67, С. 133]. Астафьев сравнивает тело героини с деревом неслучайно. Дерево является природным символом динамического роста, сезонного умирания и регенерации. В различных культурах многие деревья считались священными или магическими. «По мере развития мифологии идея о могучем дереве, которое образует центральную ось потока божественной энергии, превратилась в символический образ Древа Жизни или Космического древа. С помощью Древа Жизни человечество поднимается от низшего уровня развития к духовному просветлению» [60, С. 107]. Культурное содержание символа «*дерево*» подчеркивает связь матери с миром природы.

Попытка матери нарушить связи с природой оборачивается трагедией. После того, как артель покинула Боганиду, мать не решается рожать восьмого ребенка. По совету «плахинских» женщин она пьет «изгонное зелье». И это заканчивается для нее, дающей жизнь, смертью. Благодаря матери Аким осмыслил слово «мир», что выражается словесным рядом: **мир – артель – бригада**: «Разве забудешь мать в морошковом платье, с голубой косынкой на плечах?_... на косыночке порхают голуби, и то исчезает, то появляется слово «мир», и не надо ломать голову, что оно означает; **мир – это артель, бригада**, мир – это мать ... мир и труд – вечный праздник жизни!» [67, С. 141].

Артель – 1. Объединение крестьян для ведения коллективного хозяйства. *Сельскохозяйственная а.* 2. Объединение лиц некоторых профессий (связанных с физическим трудом) для совместной работы, с участием в общих доходах и общей ответственностью. *Рыболовецкая а.* [36].

Бригада – 1. Соединение из нескольких батальонов (дивизионов) или полков и подразделений специальных войск или военно-морское соединение из кораблей одного класса. *Мотострелковая б.* 2. Личный состав,

обслуживающий поезд. *Кондукторская б. 3.* Производственная группа, а также вообще группа, объединенная каким-л. общим заданием, деятельностью. *Б. слесарей* [36]. В тексте повести подразумевается третье значение слова.

Таким образом, мир у Акима ассоциируется с общим делом и коллективом.

Важно обратить внимание на то, что в тексте повести слово «*мать*» является лингвокультуремой. Оно символизирует природу, землю и ее воды, плодородие, питание, сердечность, заботу, защиту и преданность. «Гесиод, поэт, который систематизировал греческую мифологию, поместил Гею – мать-землю – в самое начало генеалогии богов как «мать всего сущего, первопричину» [60, С. 107]. А в кельтских преданиях символами матери являются медведица, корова, голубка, гусыня, куропатка и другие животные, дающие большое потомство [60, С. 108] (примечательно, что Астафьев сравнивал мать и с медведицей, и с куропаткой). Лингвокультурема *мать* наряду с лингвокультуремами *царь-рыба* и *тайга* является основополагающей в тексте повести, потому что подчеркивает неразрывную связь человека с природой.

В памяти Акима мать осталась северным человеком, хранящим вечную тайну, переданную ей матерью-долганкой. В этой тайне заключена тихая печаль и застарелая тоска о тех землях, на которых жили изначально их предки, вытесненные пришлыми людьми «в далекий полуночный край» [67, С. 120]. Эту грусть северян, делающую их кроткими и добрыми, никому не удалось объяснить.

Важную роль в повести «Царь-рыба» играет речевая характеристика персонажей. Речь жителей Среднего и Нижнего Енисея, живущих в гармонии с природой, насыщена диалектизмами.

Вначале обозначим фонетические особенности их говора:

- 1) шепелявость, свойственная речи:

- Акима: *верис* (веришь), *вылетис* (вылетишь), *промыслять* (промышлять), *сто* (что), *стобы* (чтобы), *фасыст* (фашист);
  - сестер и братьев Акима: *расплессы* (расплеши), *хоросо* (хорошо), *товарисс* (товарищ);
  - матери Акима: *вырастес* (вырастешь), *ис* (иш!), *посёл* (пошел), *сто* (что), *смотрис* (смотришь);
  - Киряги-деревяги: *говорис* (говоришь), *понимас* (понимаешь), *стобы* (чтобы);
  - жителей поселка Чуш – *опрокинесся* (опрокинешься);
  - эвейнийки: *сырота* (сирота), *сэссыдесятый* (шестидесятый);
  - чалдона – *делас* (делаешь).
- 2) долгий твердый шипящий, свойственный речи:
- Акима: *ишишо* (еще), *тышишить* (тащить), *ишитать* (считать);
  - староверов: *ишишо* (еще);
  - чалдона: *пошто* (почто);
  - жителей поселка Чуш: *жэнишина* (женщина), *ишишо* (еще), *отпушишайте* (отпускайте), *товаришишы* (товарищи);
- 3) стяжение гласных, характерное для речи:
- Акима: *думаиш* (думаешь), *желаиш* (желаешь), *заколес* (заколешь), *знас* (знаешь);
  - матери Акима: *плаваиш* (плаваешь);
  - Киряги-деревяги: *понимас* (понимаешь), *придѣс* (придешь), *разумес* (разумеешь), *сообразас* (соображаешь);
  - чалдона: *делаиш* (делаешь), *путаиш* (путаешь);
  - жителей поселка Чуш: *оставлям* (оставляем), *поймаиш* (поймаешь), *понимаиш* (понимаешь), *шастат* (шастает);
- 4) произнесение [с] вместо [з], [ц] или [ч], что характерно для речи:
- Акима: *нисе* (ниче), *светок* (цветок), *селовек* (человек), *собаська* (собачка), *сють* (чуть);

- братьев и сестер Акима: *мамоська* (мамочка), *усеного* (ученого), *уси* (учи);
- матери Акима: *девоська* (девочка), *застенсивай* (застенчивый), *мамоська* (мамочка), *нисе* (ниче), *отес* (отец), *сыносек* (сыночек), хорошо (хорошо);
- Кирыги-деревяги: *нисе* (ниче), *огурсик* (огурчик), *сиротоська* (сироточка), *систо* (чисто);
- жителей поселка Чуш – *засем* (зачем).

Для обозначения шепелявости как особенности речи местных жителей В.П. Астафьев использует слово «сельдючить». Территориальный говор жителей поселка Боганида, что на Нижнем Енисее, действительно заключается в шепелявом произношении. Эту особенность мы и наблюдаем на примере речи Акима и его семьи, а также Кирыги-деревяги. А для населения поселка Чуш, который расположен на Среднем Енисее, такая особенность встречается гораздо реже.

Примечательно, что Аким произносит слова по-разному: если он спокоен, то в его говоре отражается местная языковая традиция. Именно так ребенком он общался с матерью, с сестрами или Кирыгой-деревягой; в юности – с рыбаками; в молодости – со следователем, подозревавшим в убийстве напарника. Если же Аким находится в крайнем душевном волнении, то данная черта практически не проявляется. Например, этой особенности нет, когда Аким философствует; практически чисто разговаривает в эпизоде с Герцевым, когда пришел за медалью Кирыги-деревяги; дневниковые записи, сделанные спутником Эли, также читает относительно чисто; прощаясь с девушкой у вертолета, Аким опять-таки говорит без налета местного говора.

Кроме фонетических, можно выделить и другие типы диалектизмов. В подавляющем большинстве случаев они характерны для речи Акима:

- словообразовательные: *братан*, *дождать*, *заради*, *непогодь*, *нарозь*, *неуж*, *осенесь*, *откуль*, *оттудова*, *покуль*, *разостроиться*;

- грамматические: *волосье, животная, на ем, на их, оне, ребенков, парня, с имя, текет*;
- лексические: *гумажье* (нитка, пряжа [51, С. 298]), *змеевец* (гнойное воспаление, нарыв [49, С. 247]), *кержак* (старообрядец, старовер [50, С. 57]), *козонок* [50, С. 57], *купороситься* (сердиться, упрячиться 50, С. 175), *курумник* («каменистая россыпь, поросшая кустарником»), *лядина* (перелесок [50, С.244]), *пана* («парень»), *полусак* (54, С. 366), *рожень* (тальниковый прут, на который нанизывали рыбу или мясо, чтобы жарить их над костром [54, С. 17], *скрад* (охота из укрытия [54, С. 22]);
- фразеологические: *дойти до тюки* (дойти до отчаянного положения, оказаться в крайней нужде [65, С. 62]); *задрать лытки кверху* (умереть [65, С. 108]), *хлебать мурцовку* (мучиться, терпеть [65, С. 120]);
- семантические диалектизмы: *наширкать* (натирать мочалкой в бане), *осатанеют* (разозлятся, выйдут из себя, от слова «сатана» - зло, противник небесных сил), *скрадывать* (охотиться, от слова «скрад»).

Гораздо реже подобную группу диалектизмов мы наблюдаем в речи остальных персонажей:

- словообразовательные: 1) бабушка: *подивоваться, экий*; 2) рыбаки: *гостюй, кажин, небольшенький, оттудова, покуль, экий*;
- грамматические: 1) рыбаки: *ат ево*;
- лексические: 1) рыбаки: *загад, заплот, купороситься, однова, чир*; 2) чушанские браконьеры: *темность, шибздик*; 3) старшой: *блазниться, блажить, обыден, посолонь*.

Отдельно следует обратить внимание на речь рассказчика. Судя по количеству диалектизмов, он является одним из сибиряков. Так, во время встречи с отцом повествователь сам себя укоряет за опрометчивое решение увидаться с родственниками, которые ему уже, по сути, чужие: «Все ищешь, **недотыка**, то, чего не терял!» [67, С. 19].

В другом эпизоде, в котором описывается купание на галечном мысу, он отвечает на замечание Акима об изведенных продуктах: «А ты, **сельдюк**

узкопьятый, жрешь вино и не закусываешь, вот и приросло у тебя **брюхо** к спине!» [67, С. 37]. Тому же Акиму рассказчик поясняет на местном наречии, в котором рыба хариус называется харюзом: «**Харюзы** мне надоели» [67, С. 88].

Очевидно, что перед читателем – человек из народа, такой же, как Аким и его родные, Коля, бабушка, Кирыга-Деревяга. Словом, все те, кто «не чураются диалектного слова» [37, С. 247-249], благодаря чему художественное повествование принимает особую исповедальную манеру. На основании сказанного становится понятным, что говоры являются своеобразным опознавательным знаком, позволяющим отделять «своих», живущих в единении с природой, от «чужих».

Таким образом, в результате анализа словесных рядов, мы выяснили, что Аким, как воплощению истинного сибиряка, характерны следующие черты:

- 1) Приспособленность к жизни в условиях севера;
- 2) Трудолюбие;
- 3) Хозяйственность
- 4) «Естественное» отношение к природе
- 5) Хороший аппетит
- 6) Доброта и способность к самоотверженной помощи;
- 7) Стремление жить общим делом;
- 8) Употребление диалектизмов.

Также нами было проанализировано значение лингвокультурем *Аким*, *Печорин* и *мать* для раскрытия лингвокультуремы сибирский характер.

Выводы по Главе 2

Образ сибирской природы реализуется через лингвокультуремы ***царь-рыба*** и ***тайга***.

Образ царь-рыбы является в тексте повести олицетворением природы и представлен следующими словесными рядами:

редкостное – первобытное – доисторический ящер (природа – первопричина, первооснова);

женское – бережность – желание сохранить жизнь (природа – мать);

суд – молитва – заслуженная кара – отчитаться за грехи (божественная сила природы);

Образ тайги находит свое отражение в следующих словесных рядах:

пупыри набухли - эти пупырышки превратятся в крупные шишки - нальется в них лаково-желтый орех (цикличность природных процессов);

жаровый цвет – ронжа – шишечка – умахать (цикличность природных процессов);

звезды потухали – разбивались – расцветали - деревья умирали – рождались (незыблемость природных законов);

тайга величественна – торжественна – невозмутима (нерушимость покоя природы).

Для раскрытия лингвокультуры *сибирский характер* мы выделяли словесные ряды, характеризующие Акима. Во-первых, потому что он «вобрал в себя представления автора о сильных и уязвимых сторонах сибиряка» [1, С. 298]. Во-вторых, потому что семантика имени героя («Ставленник Божий», «мудрец») позволяет раскрыть авторскую позицию.

Итак, образ истинного сибиряка представлен следующими словесными рядами:

стойкий цветок тундры – оказались схожими жизнь Акима и северного цветка – дерзко стоял – уверенно, вызывающе, не прячась в благостное затишье – дерзко выйдя (приспособленность к жизни в условиях севера);

паренек в светленьких и жидких волосенках – с приплюснутыми глазами – тонкокожее, изветренное лицо – мал ростиком – косолап – бесцветен, как болотная сыроежка (непримечательная внешность);

рука сухожильная, жесткая – сбит прочно – всего и не упомнишь, кем он был и какие работы выполнял (трудолюбие);

надо проконопатить, обшить дверь – окошко оклеить, промазать – пол приподнять – дров наширкать – запастись крохи – вышарил лес – выбрал бруснику – натаскал и наморозил рябины – посушил черемухи (хозяйственность);

отыскивали едомую траву, всходы дикого лука, листики щавеля, выпрыски тальников – жевали зелень – выбирали яйца и пили их – ради хлеба («естественное» отношение к природе);

всю добычу завалил в ведро – навар – вприкуску с береговым луком неторопливо подчистили весь улов до косточки, даже головы рыбы высосали – жажнув по пятку кружечка чаю – поглощенный чревоугодничеством – мурлыкая от удовольствия – лопал мясо (хороший аппетит);

фершал – сестра милосердия – нянька – сиделка (доброта и способность к самоотверженной помощи);

три дня – три ночи – одолевая смерть – спасая человека – любой человек – свой человек (доброта и способность к самоотверженной помощи);

заступник – покровитель – опора – защита – кормилец – хозяин – господин (доброта и способность к самоотверженной помощи);

мир – артель – бригада (жизнь общим делом);

братан – дожждать – заради – непогодь – нарозь – неуж – осенесь – откуль – оттудова – покуль – разостроиться – волосье, животная, на ем, на их – оне – ребенков – парня – с имя – текет – гумажье – змеевец – кержаск – козенок, купороситься – курумниклядина – пана – полусак – рожень – скрад – дойти до тюки – задрать лытки кверху – хлебать мурцовку (употребление диалектной лексики).

Важно обратить внимание, что нами выделено несколько словесных рядов, которые раскрывают способность Акима к самоотверженной помощи. Поскольку он является носителем авторской позиции, мы можем утверждать, что истинный сибиряк, по мнению В. П. Астафьева, живет, неотступно следуя нравственным законам. В процессе работы нами выделены символы,

культурное содержание которых демонстрирует внутреннюю силу героя и масштабность помощи, которую он оказывает. К их числу относятся такие символы, как *цветок, волосы и три*.

Лингвокультурема *мать* играет одну из определяющих ролей в тексте повести, поскольку свидетельствует о неразрывной связи человека с миром природы. Образ матери как образ общечеловеческий представлен следующими словесными рядами:

бесхитростная – девочка-подросток по уму и сердцу – детская незавершенность – безвинность (дитя природы);

закококала болотной курочкой – вздыхала будто оленуха – окосолапела, как медведица – распустилась всеми ветвями и корнями своего тела (дитя природы).

Гога Герцев являет собой образ человека-чужака, противостоящего как общечеловеческим ценностям, так и ценностям, которые входят в понятие «сибирский характер», что находит выражение в следующих словесных рядах:

выгрызенное горло – попорченное лицо – форсистые бакенбардики висели моховыми лохмотьями – иссосанный – изгрызенный – поверженный (наказание за отступление от законов нравственности);

сам по себе и для себя жил – злой на язык – дистанция независимости – держался гоголем – возвысивший себя над остальными людьми – выдрючивается – беспокойно с людьми – свободный человек – сам себе Бог (пренебрежительное отношение к людям);

мысли не свои – путая чужое со своим – расплывчатый – неоконтуренный (внутренняя пустота);

схватить – сгрести – придавить (стремление брать, но ничего не отдавать взамен).

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАБОТЕ С ПОВЕСТЬЮ «ЦАРЬ-РЫБА» НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

3.1 Значимость повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева на уроках русского языка

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту среднего (полного) общего образования, обучающиеся в рамках дисциплины «Русский язык» должны прийти к определенным предметными, результатам. К их числу относятся:

- представление об основных функциях языка, о роли русского языка как национального языка русского народа, как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, о связи языка и культуры народа, о роли родного языка в жизни человека и общества;
- проведение различных видов анализа слова (фонетического, морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического), синтаксического анализа словосочетания и предложения, многоаспектного анализа текста с точки зрения его основных признаков и структуры, принадлежности к определенным функциональным разновидностям языка, особенностей языкового оформления, использования выразительных средств языка;
- умение создавать устные и письменные тексты разных типов, стилей речи и жанров с учетом замысла, адресата и ситуации общения;
- осознание эстетической функции родного языка, способность оценивать эстетическую сторону речевого высказывания при анализе текстов художественной литературы.

Достижению вышеназванных результатов будут способствовать уроки развития речи, где обучающиеся учатся анализировать чужой художественных текст и создавать свой. По нашему мнению, работа с

текстом повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева на уроках данного типа целесообразна, поскольку позволит:

- расширить лексический запас обучающихся;
- расширить и углубить представления об изобразительно-выразительных средствах языка;
- выявить особенности индивидуального стиля В. П. Астафьева;
- способствовать развитию интереса к творчеству и созданию собственных связных текстов.

3.2 Конспект урока развития речи

Тема урока: Подготовка к написанию сочинения-рассуждения «Использование художественно-изобразительных средств в произведениях XX века» (по повести В.П. Астафьева «Царь-рыба»).

Тип урока: Развитие речи.

Класс: 11 класс.

Авторы учебника: А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова.

Цели урока:

- 1) образовательные:
  - расширить и углубить представления об изобразительно-выразительных средствах языка;
  - выявить особенности индивидуального стиля В.П. Астафьева;
  - подготовить учащихся к написанию сочинения-рассуждения;
- 2) развивающие:
  - развивать умения сравнивать, обобщать, делать выводы;
  - развивать умения грамотно излагать свои мысли;
  - развивать умение работать с художественными текстами;
- 3) воспитательные:
  - вызвать интерес к творчеству В.П. Астафьева;
  - способствовать осмыслению своего места в мире;

– воспитывать ответственное отношение к национальному языку.

Ключевые слова урока: художественно-изобразительные средства языка, индивидуальный стиль писателя.

Методы работы: частично-поисковый, исследовательский.

Приемы: аналитическая беседа, анализ текста, рефлексия.

Формы организации учебной деятельности: индивидуальная, фронтальная.

Опережающее задание: прочитать повесть В.П. Астафьева «Царь-рыба», изучить основные художественно-изобразительные языковые средства.

Ход урока

Учитель: Пожалуй, сейчас трудно найти человека, который бы не был зарегистрирован в социальных сетях. Судя по тому, как часто вы обсуждаете эту тему, достаточно большое количество времени проводите в виртуальном пространстве. А чем именно вам нравятся социальные сети?

Ученик: Это очень удобно, так как дает возможность обмениваться не только текстовой, но и визуальной информацией, пересылать друг другу аудио, видео.

Ученица: Социальные сети – это модно, и хочется быть в тренде.

Учитель: Уточните, что значит быть в тренде?

Ученица: Быть в тренде – это значит быть в курсе модных тенденций. Они касаются модных киноновинок, одежды, макияжа, выставок, развлекательных заведений, слов.

Учитель: У каждого поколения действительно есть много слов, в основном заимствований, которые непонятны людям старшего поколения. В свое время наш земляк, выдающийся писатель, драматург, эссеист В.П. Астафьев обратил внимание на эту тенденцию. В статье «Очарованные словом» он отмечает: «Повсеместно, со всех сторон наступали на родной язык и создали язык отдельный, как бы в издевку существующий с человеческим, оригинальным, ярким языком. Произошла подмена языка. Я

думаю, общество, мир и мы вместе со всеми охнули бы и за сердце схватились, обнаружив, что уже давно и так глубоко погрузились в словесную, червивую помойку» [6, С. 85-87].

Ученик: Выходит, что В.П. Астафьев был против заимствованной лексики? Но ведь из истории мы знаем, что любой язык пополнялся благодаря торговым, экономическим, культурным связям.

Учитель: Нет, Виктор Петрович не был против заимствований. Он хотел, чтобы люди знали и любили национальный язык. Ведь язык народа – это его менталитет, видение мира, быт, традиции, история, культура. Коренной сибиряк, В.П. Астафьев знал и любил ту землю, с которой у него была связана вся жизнь. В связи с этим понятен вопрос-упрек прозаика: «А разве не стыдно не знать языка, на котором говорит миллионная Сибирь? И слова-то какие – выразительные, меткие, точные!». С мнением писателя невозможно не согласиться. Думаю, вы разделяете взгляды прозаика, потому что каждый из вас проделал серьезную работу, готовясь к сегодняшнему уроку. Напомните, чем вы занимались.

Ученик: Мы читали и анализировали повесть В.П. Астафьева «Царь-рыба».

Учитель: Все верно: читали, чтобы определить основные черты индивидуального стиля писателя. На чем было сосредоточено ваше внимание?

Ученица: На поиске художественно-изобразительных языковых средств.

Учитель: Что вкладывают в это понимание?

Ученик: Говоря об изобразительности художественной речи имеют в виду такие особенности ее структуры, которые позволяют усилить впечатление от текста, вызвать и поддержать внимание и интерес у читателя, воздействовать не только на его разум, но и на чувства, воображение.

Учитель: Что относят к художественно-изобразительным языковым средствам?

Ученица: Эпитет, олицетворение, сравнение, метафору, метонимию, иронию, сарказм, гиперболу, литоту, перифраз.

Учитель: Таким образом, каждый из вас, прочитав и проанализировав повесть В.П. Астафьева, сосредоточил внимание на художественно-образительных средствах, чтобы на этой основе сделать вывод об особенностях индивидуального стиля прозаика, о чем вы и будете размышлять на следующем уроке в рамках своих творческих работ. Теперь суммируя все, о чем мы с вами говорили, попробуйте сформулировать тему урока.

Ученик: Подготовка к написанию сочинения об индивидуальном стиле В.П. Астафьева по повести «Царь-рыба».

Учитель: Очень хороший ответ! В критической литературе по творчеству писателя представлены основные черты индивидуального стиля В.П. Астафьева, среди которых называют реалистичность, автобиографическое начало, публицистичность, лиризм, психологизм, символизм, философичность, романтичность, народность. Указанные черты типичны для прозы второй половины XX века, но в произведениях сибирского писателя они получили индивидуальную окраску, особое преломление. Когда мы анализировали повесть на уроке литературы, то обратили внимание на символичность образа царя-рыбы. Напомните мне, в чем она заключается.

Ученица: Из «Словаря символов культуры» Джека Тресиддера мы узнали, что символ рыбы «известен, прежде всего, как раннехристианский символ Иисуса Христа» [57, С. 151]. В «Славянской мифологии» Афанасьева А. Н. сказано, что образ царя-рыбы связан с преданиями о могучей рыбе (ките, щуке), обладающей чудесными возможностями. На ней, на рыбе, держится земля, все мироздание, с ее смертью наступает катастрофа. Таким образом, царь-рыба в тексте повести символизирует природу, ту основу жизни, без которой не может существовать человек.

Учитель: Замечательный ответ! Как отзываются о творчестве В. П. Астафьева его коллеги по писательскому цеху?

Ученица: Главный редактор журнала «Новый мир», общественный деятель, автор повестей и романов С.П. Залыгин так сказал об индивидуальном стиле В.П. Астафьева: «Яркость астафьевского слова – его призвание, его манера для нас – это большое истинное наслаждение» [25, С. 236].

Учитель: Давайте и мы насладимся языком повести «Царь-рыба». Я предлагаю обратиться к записям, которые каждый из вас сделал дома, работая над текстом произведения. Кто хочет подлиться своими наблюдениями?

Ученик: Я хочу! Читая текст, я заметил, что писатель использует много изобразительно-выразительных средств для того, чтобы создать более яркую, зримую, эмоциональную картину. В повести встречаются такие средства выразительности, как многосоюзие, сравнение, гипербола, эпитет, умолчание, эпитет, ирония, метафора, анафора, градация, антитеза, параллелизм, олицетворение.

Учитель: Какие примеры ты подобрал из текста?

Ученик: Хочу привести примеры сравнений: 1) «И отправился на поклон к брату младший Утробин. Через дорогу плелся будто через тюремный двор»; 2) «Командор скрипнул зубами, махнул у лица рукой, словно кого отлепляя»; 3) «щелкают тогда крючки о борт, ломаются спичками, берегись, не зазевайся, рыбак»; 4) «Грузовая самоходка, похрюкивая, будто племенной пороз со свинофермы Грохотало, прошла серединой реки»; 5) «Рыба унялась, словно бы ощупью приблизилась к лодке, навалилась на ее борт»; 6) «Словно ведая, что они повязаны одним смертным концом, рыба не торопилась разлучаться с ловцом и с жизнью»; 7) «Жабры осетра уже не крякали, лишь поскрипывали, будто крошка короед

подтачивал древесный плот»; 8) «Верхний слой реки, согретой слабым солнцем осени, остудило, сняло, как блин».

Учитель: Великолепная работа! Наряду с обилием сравнений в тексте много эпитетов. Кто сделал соответствующие выписки?

Ученица: У меня много примеров: 1) «Следом грустный кораблик неспешно волокся»; 2) «Шевелит вон щупальцами-червячками, прилипшими к лягушечьей жидкой коже», 3) «Вечный рыбак, лежучи на печи со скрученными в крендель ногами»; 4) «из-за тюлевой занавески в окно встревоженно выглядывала пухленькая, меднорожая жена Игнатъича»; 5) «мозглый воздух застелил берег»; 6) «И насчет промысла темного, хитрого, который надо союзно вести»; 7) «За кормой взбурлило грузное тело рыбины»; 8) «казалось, точат кривую татарскую саблю о каменную черноту ночи»; 9) «бельмастый зрак глуби со дна реки проник наверх».

Учитель: Видно, как ты обстоятельно анализировали текст. Какие еще выписки сделаны?

Ученик: Я хочу привести примеры метафор: 1) «слышно было, как скрежещут о металл рыскающей дюральки плащи осетра»; 2) «рыба, холодная, туполобая, в панцире плащей»; 3) «Далекое небо, луженное изнутри луной и звездами, сделалось выше»; 4) «Лишь звон густеет – ровно бы под каждым стерженьком скошенной травы по махонькому кузнецу утаилось»; 5) «картечины глаз, катающиеся без звука под панцирем лба». Также я выписала примеры параллелизма: 1) «И рыба, и человек слабели, истекали кровью»; 2) «Реки царь и всей природы царь – на одной ловушке»; 3) «Зверь и человек, в мор и пожары, во все времена природных бед, не раз и не два оставались один на один».

Учитель: Замечательный ответ! У кого-нибудь есть примеры градации?

Ученица: У меня! Вот примеры: 1) «Напряглось все в человеке, поредели удары сердца, слух напружинен до звона, глаз силится быть сильнее темноты»; 2) «Икон дома не держал, в бога не веровал, над дедушкиными наказаниями насмехался»; 3) «Потревоженная рыба раздраженно

чавкнула ртом, изогнулась, повела хвостом, и тут же несколько укусов, совсем почти неслышных, комариных, щипнуло ногу рыбака; 4) «и эти усы-червяки, и глазки, плавающие в желтушном жиру, требуха, набитая грязью черной икры, какой тоже нет у других рыб, - все-все отвратно, тошнотно, похабно!». Я выписала и другие примеры. Вот антитеза: 1) «Был Бойе большой любитель встречать и провожать пароходы»; 2) «Хотя на этом свете все и всякое бывало, да не все людям известно». Есть примеры многосоюзия: «На него кричали, и он послушно смолкал, но томленье и беспокойство не покидали его».

Учитель: Точные наблюдения! Одна из особенностей стиля писателя – ирония. Это смех над советской действительностью. Кто хочет привести примеры?

Ученик: У меня выписаны такие примеры: 1) «Находились даже такие наглецы, что хотели купить зубную щетку и пасту. В Чуши – пасту! Как вот работать с таким народом. Его родитель тележного скрипа боялся, а он, морда чалдонская, пасту требует»; 2) «Где-то прослышали городские люди, что в местах чушанских, в стране вечнозеленых помидоров и непуганых браконьеров, как называл родные берега Командор, - кишмя кишит рыба стерлядь»; 3) Их было четверо, нестарых еще людей труда умственного, конторского».

Учитель: Хорошо, спасибо! Вероятно, кто-нибудь из вас сделал наблюдения относительно фразеологизмов?

Ученица: Я сделала: 1) «Ни в горсть, ни в сноп шло дело»; 2) «То-то завтра в конторе у ей работы будет, то-то она потешится, то-то потрясут мою требуху, мои косточки служащие дамочки»; 3) «Царь-рыба попадается раз в жизни, да и то не всякому Якову»; 4) «мало ли чего плели ранешные люди, знахари всякие и дед тот же – жили в лесу, молились колесу»; 5) «Он надеялся, что на людях, в чужом краю все быльем порастет».

Учитель: Да, этих примеров достаточно. Спасибо! Устойчивые словосочетания, характерные для фразеологизмов, мы также наблюдаем в

пословицах и поговорках, часть из которых стали афоризмами. Приведите примеры:

Ученик: Я выписал такие: 1) «Что в народе, то и в природе»; 2) «Горе крепит, счастье слепит»; 3) «Сказал куме, кума борову, боров – всему городу»; 4) «Пора! Пора! - откликнулись рыбаки. – У голодной пташки и зоб на боку»; 5) «Уж солнышко на ели, а мы все ещё не ели!», 6) «Гнется с голоду, дрожится с холоду»; 7) «На рабочего человека – дело, на голодного – кус»; 8) «Навались, у кого деньги завелись! Хлебать уху, поминать бабушку глуху!», 9) «Любимая весть – как позовут есть!», 10) «Поешь парень рыбки, будут ноги прытки!», 11) «Какой человек ни есть, а хочет есть!», 12) «Мельница – водой, а человек силен едой!», 13) «Ешь чира досыта, будешь чирка боевита!», 14) «Дома ешь чего хочешь, а в гостях – что дают!», 15) «Без хлеба не работать, без вина не плясать»; 16) «Добрый повар доктора стоит!».

Учитель: Очень богатая подборка! А вы заметили, как в тексте маркируется лексика, разграничивающая своих и чужих? Прежде всего, кого писатель относил к чужим?

Ученица: Чужие – это приезжие, например, туристы, браконьеры. Чужими они считаются, потому что стараются взять от природы как можно больше. С точки зрения носителей языка, их речь правильна, лишена местного колорита. Вот как проявляется в речи принадлежность к местному населению шепелявость, свойственная речи: 1) Акима: верис (веришь), вылетис (вылетишь), промыслять (промышлять), сто (что), стобы (чтобы), фасыст (фашист); 2) сестер и братьев Акима: расплессы (расплеши), хоросо (хорошо), товарисс (товарищ); 3) матери Акима: вырастес (вырастешь), ис (иш!), посёл (пошел), сто (что), смотрис (смотришь); 4) Киряги-деревяги: говорис (говоришь), понимаас (понимаешь), стобы (чтобы); д) жителей поселка Чуш: опрокинесся (опрокинешься); 5) эвейнийки: сырота (сирота), сэссыдесятый (шестидесятый); 6) чалдона – делас (делаешь).

Учитель: Для обозначения шепелявости как особенности речи местных жителей В.П. Астафьев использует слово «сельдючить». Территориальный говор жителей поселка Боганида, что на Нижнем Енисее, действительно заключается в шепелявом произношении. Эту особенность мы и наблюдаем на примере речи Акима и его семьи, а также Киряги-деревяги. Кто может привести еще примеры?

Ученик: Давайте я попробую. Произнесение [с] вместо [з], [ц] или [ч], что характерно для речи: 1) Акима: нисе (ниче), светок (цветок), селовек (человек), собаська (собачка), сють (чуть); 2) братьев и сестер Акима: мамоська (мамочка), усеного (ученого), уси (учи); 3) матери Акима: девоська (девочка), застенсивай (застенчивый), мамоська (мамочка), нисе (ниче), отес (отец), сыносек (сыночек), хоросо (хорошо); 4) Киряги-деревяги: нисе (ниче), огурсик (огурчик), сиротоська (сироточка), систо (чисто); 5) жителей поселка Чуш – засем (зачем). Есть еще одна интересная особенность. Местные жители произносят долгий твердый шипящий. Это мы слышим в речи: 1) Акима: ишшо (еще), тышшыть (тащить), пшытатъ (считать); 2) староверов: ишшо (еще); 3) чалдона: пошто (почто); 4) жителей поселка Чуш: жэншина (женщина), ишшо (еще), отпушшайте (отпускайте), товаришшы (товарищи).

Учитель: Очень хорошо, что здесь сгруппирована лексика в зависимости от ее носителей. Вы заметили, что в тексте много диалектной лексики? Она проявляется на уровне словообразования, грамматики, фразеологии. У кого-нибудь есть подобные наблюдения?

Ученица: Я проанализировала речь Акима и сделала следующие выводы: 1) на уровне словообразования: братан, дождать, заради, непогодь, нарозь, неуж, осенесь, откуль, оттудова, покуль, разостроиться; 2) на уровне грамматики: волосье, животная, на ем, на их, оне, ребенков, парня, с имя, текет; 3) на уровне фразеологии: не вступ ногу жить; дойти до тюки; задрать лытки кверху; самолет-ероплан, посадика-ка нас в карман, хлебать мурцовку. Также я заметила, что диалектная сибирская лексика проявляется не только в говоре местного населения, но и приезжего, на что указывает речь москвички

Эли: 1) «Где же пана-то?»; 2) «Не торопится пана»; 3) «Промерз, ушомкался, говоришь, а выпьешь, настроение боевое, голова лучше соображает».

Учитель: Я благодарю всех, кто проделал эту работу по отбору лексических средств. А теперь хотелось бы подвести итоги, чтобы вам было проще на следующем уроке оформлять мысли в сочинении. Кто хочет начать?

Ученик: Сегодня мы говорили об использовании в повести В.П. Астафьева художественно-изобразительных языковых средств. Они служат для более полной, точной, яркой и образной передачи мыслей и чувств автора произведения. С помощью художественно-изобразительных средств мы можем понять эмоциональное состояние писателя.

Ученица: Читая, как говорят его персонажи, видим особенности манеры устной речи, которая проявляется в метафорах, сравнениях, эпитетах, градации, антитезе, пословицах, поговорках, фразеологизмах, в диалектизмах. Художественно-изобразительные средства используются как маркер определенной социальной среды. Они создают непринужденность повествования, стиль, близкий к разговорному.

Учитель: В завершение я хочу добавить: по всей видимости, самое важное в повести «Царь-рыба» – это народность, проявление которой объясняется происхождением В.П. Астафьева, его единством с сибиряками, знанием и пониманием национального характера, владением народным языком. Народность коренится в глубине художественного сознания писателя, она обусловлена всеми обстоятельствами его жизни. Народность как постоянная черта его стиля передается через систему изобразительных средств, в которой мы наблюдаем сочетание и народной речи, и книжной, стихию народного языка. Стихия народного говора в повести В.П. Астафьева позволяет точно представить предметы, явления, сблизить автора и персонажей в речевом плане, добавить человеческие эмоции, нарисовать характер мышления героя, особенности мировосприятия и речи персонажей и рассказчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа преследовала целью описать лингвокультурологические понятия, связанные с образом Сибири, на материале повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева.

Первая глава посвящена изучению основных единиц лингвокультурологии. Нами были рассмотрены труды Воробьева В. В., Вежбицкой А., Костомарова В. Г., Бурвиковой Н. Д., Масловой В. А., Сабитовой З. К., Телии В. Н. Анализ данных работ позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Предметом исследования лингвокультурологии являются культурно нагруженные единицы языка. В их содержании обнаруживается часть, обусловленная особенностями национальной культуры и этнического сознания.

2. Следствием повышенного интереса к единицам, принадлежащим одновременно языку и культуре, стало множество терминов для их обозначения: культурная коннотация (Телия В. Н.), лингвокультурема (В. В. Воробьев), , логозпистема (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), «ключевые слова культуры» (А. Вежбицкая) и др.

3. Культурная коннотация - это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры.

4. Лингвокультурема - комплексная межуровневая единица, представляющая единство лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания (понятие введено В. В. Воробьевым как аналог фонеме и морфеме).

5. Логозпистема - это «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур.

Поскольку мы исходили из предположения о том, что рассмотрение основных единиц лингвокультурологии возможно в пределах словесного ряда, его понятие стало одним из основных в нашей работе. По А. И. Горшкову, словесный ряд – это представленная в тексте последовательность языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотнесенностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста.

Так как содержание основных единиц лингвокультурологии обусловлено особенностями национальной культуры и этнического сознания, мы проанализировали черты, присущие самосознанию сибиряков. К их числу относятся:

- коллективизм;
- терпеливость;
- трудолюбие;
- любовь к природе;
- миролюбие;
- отсутствие любви к комфорту;
- сильная ментальная связь с предками.

Названные черты возникли в результате ведения хозяйственной деятельности в условиях сурового климата.

Вопрос о значении слова «Сибирь» в настоящее время остается открытым, так как в науке представлены десятки концепций по этому поводу. Наиболее распространенные – влияние славянских, тюркских, монгольских языков и санскрита.

Источником изучения культурной коннотации понятия «Сибирь» прежде всего, служит художественная литература. В результате анализа текстов протопопа Аввакума, А. Н. Радищева, М. В. Ломоносова, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. мы выявили следующие

коннотации понятия «Сибирь»: место ссылки; колония; богатый край; место освоения новых земель; сакральное пространство.

Во второй главе мы выделяли словесные ряды, которые характеризуют образ сибирской природы и способствуют раскрытию лингвокультуры *сибирский характер*.

Образ сибирской природы реализуется через лингвокультуры *царь-рыба* и *тайга*.

Образ царь-рыбы является в тексте повести олицетворением природы и представлен следующими словесными рядами:

редкостное – первобытное – доисторический ящер (природа – первопричина, первооснова);

женское – бережность – желание сохранить жизнь (природа – мать);

суд – молитва – заслуженная кара – отчитаться за грехи (божественная сила природы);

Образ тайги находит свое отражение в следующих словесных рядах:

пупыри набухли - эти пупырышки превратятся в крупные шишки - нальется в них лаково-желтый орех (цикличность природных процессов);

жаровый цвет – ронжа – шишечка – умахать (цикличность природных процессов);

звезды потухали – разбивались – расцветали - деревья умирали – рождались (незыблемость природных законов);

тайга величественна – торжественна – невозмутима (нерушимость покоя природы).

Для раскрытия лингвокультуры *сибирский характер* мы выделяли словесные ряды, характеризующие Акима. Во-первых, потому что он «вобрал в себя представления автора о сильных и уязвимых сторонах сибиряка» [1, С. 298]. Во-вторых, потому что семантика имени героя («Ставленник Божий», «мудрец») позволяет раскрыть авторскую позицию.

Итак, образ истинного сибиряка представлен следующими словесными рядами:

стойкий цветок тундры – оказались схожими жизнь Акима и северного цветка – **дерзко** стоял – **уверенно, вызывающе**, не прячась в благостное затишье – **дерзко** выйдя (приспособленность к жизни в условиях севера);

паренек в светленьких и жидких волосенках – с приплюснутыми глазами – тонкокожее, изветренное лицо – мал ростиком – косолап – бесцветен, как болотная сыроежка (непримечательная внешность);

рука сухожильная, жесткая – **сбит прочно** – **всего и не упомнишь, кем он был и какие работы выполнял** (трудолюбие);

надо проконопатить, обшить дверь – **окошко оклеить, промазать** – **пол приподнять** – **дров наширкать** – **запаси накрохи** – **вышарил лес** – **выбрал бруснику** - **натаскал и наморозил** рябины – **посушил** черемухи (хозяйственность);

отыскивали **едомую** траву, всходы дикого лука, листики щавеля, выпрыски тальников – **жевали** зелень – **выбирали яйца и пили их** – **ради хлеба** («естественное» отношение к природе);

всю добычу завалил в ведро – **навар** – **вприкуску** с береговым луком неторопливо **подчистили** весь улов **до косточки**, даже **головы рыбы высосали** – **жахнув по пятку кружек чаю** – **поглощенный чревоугодничеством** - **мурлыкая от удовольствия** - **лопал** мясо (хороший аппетит);

фершал - **сестра милосердия** - **нянька** – **сиделка** (доброта и способность к самоотверженной помощи);

три дня – **три** ночи – **одолевая** смерть – **спасая** человека – **любой человек** – **свой человек** (доброта и способность к самоотверженной помощи);

заступник – **покровитель** – **опора** – **защита** – **кормилец** – **хозяин** – **господин** (доброта и способность к самоотверженной помощи);

мир – **артель** – **бригада** (жизнь общим делом);

братан - **дождать** - **заради** - **непогодь** - **нарозь** - **неуж** - **осенесь** - **откуль** - **оттудова** - **покуль** - **разостроиться** - **волосье, животная, на ем,**

на их - оне - ребенков – парня - с имя - текет – гумажье – змеевец – кержак - козонок, купороситься – курумниклядина – пана – полусак – рожень - скрад - дойти до тюки - задрать лытки кверху - хлебать мурцовку (употребление диалектной лексики).

Важно обратить внимание, что нами выделено несколько словесных рядов, которые раскрывают способность Акима к самоотверженной помощи. Поскольку он является носителем авторской позиции, мы можем утверждать, что истинный сибиряк, по мнению В. П. Астафьева, живет, неотступно следуя нравственным законам. В процессе работы нами выделены символы, культурное содержание которых демонстрирует внутреннюю силу героя и масштабность помощи, которую он оказывает. К их числу относятся такие символы, как *цветок, волосы и три*.

Лингвокультурема *мать* играет одну из определяющих ролей в тексте повести, поскольку свидетельствует о неразрывной связи человека с миром природы. Образ матери как образ общечеловеческий представлен следующими словесными рядами:

бесхитростная – девочка-подросток по уму и сердцу – детская незавершенность – безвинность (дитя природы);

закококала болотной курочкой – вздыхала будто оленуха - окосолапела, как медведица – распустилась всеми ветвями и корнями своего тела (дитя природы).

Гога Герцев являет собой образ человека-чужака, противостоящего как общечеловеческим ценностям, так и ценностям, которые входят в понятие «сибирский характер», что находит выражение в следующих словесных рядах:

выгрызенное горло – попорченное лицо – форсистые бакенбардики висели моховыми лохмотьями – иссосанный – изгрызенный – поверженный (наказание за отступление от законов нравственности);

сам по себе и для себя жил – злой на язык – дистанция независимости – держался гоголем – возвысивший себя над остальными

людьми – выдрючивается – беспокойно с людьми – свободный человек - сам себе Бог (пренебрежительное отношение к людям);

мысли не свои – путая чужое со своим – расплывчатый – неоконтуренный (внутренняя пустота);

схватить – сгрести – придавить (стремление брать, но ничего не отдавать взамен).

В третьей главе нами обоснована целесообразность использования текста повести «Царь-рыба» на уроках русского языка, а также разработан конспект урока в 11 классе на тему: «Подготовка к написанию сочинения-рассуждения «Использование художественно-изобразительных средств в произведениях XX века» (по повести В.П. Астафьева «Царь-рыба»)».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Алексенко О.В. Языковое представление образа автора и экспрессивности в сказе В.П. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба») // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2013. № 2(293). Вып. 74. – С. 6-8.
- 2) Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.:Гнозис, 2005.
- 3) Ангаева С.П., Кургузов В.Л. О культурных заимствованиях русских и аборигенов Сибири в начальный период ее освоения // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. – 2013. № 3. – С. 149-153.
- 4) Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв.: учеб. пособ. для учащихся и студентов. –2-е изд. испр. и дополн. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – 336 С.
- 5) Андюсев Б.Е. Субэтнос сибирских старожилов и особенности субэтнического характера (к постановке проблемы) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: матер. науч.-практ. конф. / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Баранул, 2001. – С. 20-22.
- 6) Астафьев В.П. Очарованные словом. // Астафьев В.П. Собрание сочинений. В 15 т. Т.12. Публицистика. Красноярск: «Офсет», 1998. С. 83-137. С. 85-87.
- 7) Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 1520 С.
- 8) Бархеев В.А. Этимология топонимов «Сибирь» И «Байкал» в свете новых подходов к истории монгольских народов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2007. № 1(29). Т. 2. – С. 133-134.

- 9) Белоногова Е.В. Образ-мотив реки в повествовании рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба» [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.rusnauka.com/13_EISN_2013/Philologia/8_136972.doc.htm. – Дата обращения: 09.09.2017.
- 10) Бережнова М.Л. Челдоны как группа русских сибиряков: поиск социальных истоков ее формирования // Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. – СПб.: МАЭ РАН. 2011. – С. 16-24.
- 11) Березович Е.Л., Кривошапова Ю.А. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. – М.: Индрик, 2011. – С. 110 - 157.
- 12) Васильева С. П., Васильев А. Д. Модель времени в языковом сознании сибиряков // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2018. №1. С. 174-181.
- 13) Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971.
- 14) Воробьев В. В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008.
- 15) Гончаров П.П. «Царь-рыба» В.П. Астафьева: жанровая и композиционная функция образа Сибири: автореф. дис. ... канд. филологич. наук. – Тамбов, 2007. – 25 С.
- 16) Гончаров П.П. Сибиряк в характерологии «Царь-рыбы» В. Астафьева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. № 6(50). – С. 298-301.
- 17) Горшков А. И. Русская стилистика. – М., 2001.
- 18) Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII – XIX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm> – Дата обращения: 08.05.2017
- 19) Гузаров В.Н. История Сибири: учебное пособие / В.Н. Гузаров; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – 108 С.
- 20) Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человека // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

- 21) Демешева Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. – 2015. № 3. – С. 90-107.
- 22) Демина Л.В. Западносибирская песенная традиция как система в свете народной терминологии // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. № 3 (23). – С. 86-90.
- 23) Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный.- М.: Рус. яз. 2000.- в 2 т.- 1209 С. - (Б-ка словарей рус. яз).
- 24) Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. – 2011. № 11. – С. 11 - 15.
- 25) Залыгин С. Литература и природа. // Залыгин С. Критика. Публицистика: О времени и о себе. М., 1987. С. 253-268.
- 26) Игнаткин П.С. Собирательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник. сб. науч. тр. / гл. ред. А.Х. Элерт. – Новосибирск, 2013. № 7. С. 151-168.
- 27) Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Понятие логоэпистем // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1999.-Вып. 2. – С.274-289.
- 28) Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001.
- 29) Крючкова Л.Л. К истории прозвища Чалдон // Русская речь. – 2015. № 5. – С. 100-103
- 30) Кузнецов А.Л. История Сибири, название Сибирь // Сибирский туристический справочник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sib-guide.ru/siberia/ar/7>. – Дата обращения: 05.05.2017.
- 31) Куренкова Т.Н. К вопросу о происхождении топонима «Сибирь» // Филология и культурология. Научные предложения: сборник научных докладов. – Варшава, 2015. – С. 87-91.
- 32) Львов Е.В. Русский язык и санскрит как ключи для этимологических и топонимических исследований // Язык и культура. – 2009. № 4(8). – С. 39-49.

- 33) Макарова Е.А. Формирование образа Сибири в творческом сознании В.Г. Короленко // Сибирский филологический журнал. – 2008. № 2. – С. 68-76.
- 34) Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
- 35) Мурзаев Э.М. Слово на карте: Топонимика и география. – М.: Армада-пресс, 2001. – 448 С.
- 36) Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М., 1997.
- 37) Падерина Л.Н. Диалектизм как коммуникативное средство различения «своих» и «чужих» (на примере произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба») // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. – 2013. № 4. Т. 4. – с. 243-247.
- 38) Плюхин В.И. Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: автореф. дисС. ... канд. филологич. наук. – Абакан, 2008. – 22 С.
- 39) Полный словарь сибирского говора. Т. 3 / Том. ун-т; Кемеров. ун-т; Том. пед. ин-т; Сост. А. Д. Адилова и др. ; Гл. ред. О. И. Блинова. - Томск : Издательство Томского университета, 1993.
- 40) Потанин Г.Н. Избранное / Сост. и предисл. А. П. Казаркин. – Томск: 2014. – 400 С.
- 41) Разуvalова А.И. Образ северного инородца в прозе В.П. Астафьева // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. № 4. – С. 96-109.
- 42) Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм // Полития. – 2011. № 3(62). – С. 109-128.
- 43) Русские сибиряки // Народы Томской области. – Томск, 2004. – 40 С.
- 44) Сабитова З. К. Лингвокультурология [Электронный ресурс]: учебник / З. К. Сабитова. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 524 С.

- 45) Савельева Л.П. Истоки сибирского регионального сознания, или о конструировании воображаемой реальности // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность: сб. статей. – Иркутск, 2005. – С. 188-189.
- 46) Салмин А.К. Угорская страница в истории предков чувашей (по данным лингвистики) // Сибирский сборник – 3: Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. – СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 2011. – С. 218-227.
- 47) Семенов Ю.В. Самосознание народов и его этноконфессиональные аспекты // Вестник Удмуртского университета. – 2007. № 3. – С. 75-86.
- 48) Сибирский характер как ценность: коллективная монография. Т. 3 / под ред. М.И. Шиловой. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009. – 324 С.
- 49) Словарь русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Издательство СО РАН. Научно-издательский центр ОИГГМ, 1999. – Т.1, ч. 2. – 292 с.
- 50) Словарь русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 392 с.
- 51) Словарь русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1999. – 304 с.
- 52) Словарь русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 488 с.
- 53) Словарь русских говоров Сибири / Сост. Т. А. Голикова, Е. В. Панкратова, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 395 с.
- 54) Словарь русских говоров Сибири / Сост. Т. А. Голикова, Е. В. Панкратова, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 508 с.
- 55) Сорокина С.Н. Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура): Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. – 175 С.

- 56) Тайна имени / Дмитрий Зима, Надежда Зима. - М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 190 С.
- 57) Ташлыков С.А. Сибирь в древнерусской литературе // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства межд. науч. конф. / Сост. Н.В. Пономарёва; ред. И.И. Плеханова. - Иркутск: ИМИОН, 2004. – С.257-263.
- 58) Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: мат-лы II международной конференции: в 3 ч. – Тамбов, 1999. – С. 14-15.
- 59) Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- 60) Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 С.
- 61) Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. - М.: Альта-Принт [и др.], 2008.
- 62) Федорова Е.А. Мифолингвистическая интерпретация топонима «Сибирь» в современном языковом сознании: автореф дисС. ... канд. филологич. наук. – Казань, 2014. – 22 С.
- 63) Фельде О.В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2011. № 3. – С. 59-64.
- 64) Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – 928 С.
- 65) Фразеологический словарь русских говоров Сибири под ред. А. И. Федорова, 1983.
- 66) Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2002. С. 47

- 67) Царь-рыба: повествование в рассказах / В. П. Астафьев – «РАСТР», 1976.
- 68) Шахеров В.П. Роль азиатского компонента в формировании сибирской самобытности // Известия Иркутского государственного университета. – 2012. № 2(3). – С. 180-184.
- 69) Широков Ю.М. Хочу, чтобы меня слышали. – М.: Издательские решения, 2017. – 600 С.
- 70) Шишпаренок Е.В. Творчество А.П. Чехова в контексте сибирского мифа: автореф. дисС. ... канд. филологич. наук. – Красноярск, 2010. – 20 С.
- 71) Ююкин М.А. К этимологии топонима Сибирь // Rocznik Orientalistyczny. – 2015. № 1. Т. 68. – С. 78-84.